А. А. Шахматовъ.

ЗАМѢТКИ

ПО

ИСТОРІИ ЗВУКОВЪ ЛУЖИЦКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

По поводу книги Л. В. Щербы:

„Восточно-лужицкое нарѣчіе. Томъ I. (Съ приложеніемъ текстовъ). Петроградъ. 1915“.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1917.

А. А. Шахматовъ.

ЗАМѢТКИ

ПО

ИСТОРІИ ЗВУКОВЪ ЛУЖИЦКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

По поводу книги Л. В. Щербы:

„Восточно-лужицкое нарѣчіе. Томъ I. (Съ приложеніемъ текстовъ). Петроградъ. 1915“.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1917.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1917 г.
Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XXI (1916 г.), кн. 2-я.

Замѣтки по исторіи звуковъ лужицкихъ языковъ.

По поводу книги Л. В. Щербы: «Восточнолужицкое нарѣчіе. Томъ I. (Съ приложеніемъ текстовъ). Петроградъ 1915».

Русская ученая литература чрезвычайно бѣдна трудами, посвященными изслѣдованію отдѣльныхъ славянскихъ языковъ; съ тѣмъ большею признательностью поминаютъ русскіе слависты старыхъ изслѣдователей, какъ И. И. Срезневскаго, привѣтствуютъ нынѣ здравствующаго И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, и болѣе молодыхъ, С. М. Кульбакина, А. М. Лукьяненко и нѣк. др. Трудъ Л. В. Щербы, заключающій въ себѣ изслѣдованіе одного изъ лужицкихъ нарѣчій, долженъ быть встрѣченъ съ полнымъ сочувствіемъ; со времени появившейся въ 1849 году книги Е. Новикова [1]), русскіе ученые ничего не дали самостоятельнаго въ области изученія лужицкихъ языковъ. Значеніе труда Л. В. Щербы опредѣляется въ особенности его пріемами научнаго изслѣдованія: авторъ посѣтилъ мѣстности, гдѣ говорятъ на описанномъ имъ нарѣчіи, въ 1907, 1908 и 1913 гг., основательно изучилъ это нарѣчіе на мѣстѣ и примѣнилъ къ тщательному изслѣдованію его звуковой стороны эксперимен-

---

1) «О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій». — Работа русскаго изслѣдователя, Aleks. Petrowa, посвященная фонетикѣ нижнелужицкаго языка, вышла въ 1874 году по-польски («Głosownia Dólnołużyckiego języka» въ Sprawozdania Wydz. filolog. Akademii umiejętn. w Krakowie, t. III). — Съ благодарностью надлежитъ отмѣтить отдѣлъ «Серболужицкій языкъ» во II томѣ Лекцій Т. Д. Флоринскаго, 582—685.

тальныя наблюденія. Запасшись большимъ и надежнымъ матеріаломъ, авторъ расположилъ его такъ, чтобы дать всестороннее, по возможности исчерпывающее *психологическое* описаніе изслѣдуемаго говора. Сосредоточившись на наблюденіи живого произношенія и опредѣленіи психическихъ представленій говорящихъ, Л. В. Щерба изложилъ свои наблюденія въ оригинальной и хорошо продуманной системѣ: въ I части онъ говоритъ о «фонемахъ», даетъ сначала описаніе ихъ самихъ, переходя потомъ къ описанію тѣхъ соединеній ихъ, которыя образуютъ слогъ, слово и фразу; вслѣдъ за этимъ излагается модификація фонемъ и описываются модификаціи ихъ, количественныя и качественныя; наконецъ, подробно разсматриваются ассоціаціи фонемъ. Во II части первыя три главы посвящены вопросу объ образованіи новыхъ словъ въ изслѣдуемомъ нарѣчіи и о заимствованіяхъ; слѣдующія три главы даютъ обозрѣніе измѣненій существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ; глава седьмая разсматриваетъ нарѣчія, а восьмая (дополнительная) перечисляетъ слова вопросительныя и относительныя. Въ III части сообщаются замѣчанія о сочетаніяхъ словъ. IV часть, по замыслу автора, должна была содержать списки словъ и морфемъ, но она осталась невыполненной и войдетъ въ составъ II тома труда автора. Наконецъ, V часть, названная «Объяснительною», въ первыхъ двухъ главахъ даетъ историко-сравнительное объясненіе вокализма и консонантизма изслѣдуемаго говора; въ третьей главѣ ея сообщаются замѣчанія объ удареніи въ прочихъ лужицкихъ говорахъ и предлагается гипотеза о происхожденіи ударенія на предпослѣднемъ слогѣ; въ четвертой находимъ историко-сравнительное объясненіе нѣкоторыхъ морфологическихъ фактовъ; въ пятой — замѣчанія о взаимоотношеніи лужицкихъ говоровъ; въ шестой главѣ авторъ говоритъ о вліяніи нѣмецкаго языка на изслѣдуемое имъ нарѣчіе. Въ приложеніи данъ весьма цѣнный матеріалъ въ видѣ отлично записанныхъ текстовъ на этомъ нарѣчіи.

Нарѣчіе, изслѣдованное авторомъ, занимаетъ весьма небольшую территорію въ восточной части пограничной полосы между верхнелужицкою и нижнелужицкою областью; по городу, вокругъ котораго сосредоточивается эта территорія, названное нарѣчіе можетъ быть опредѣлено какъ Мужаковское (городъ Mužakow, нѣм. Muskau). Оно уже давно привлекало

на себя вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей лужицкаго языка. Ему посвящена спеціальная работа покойнаго пастора Веляна, появившаяся въ 1869 году въ Časopis Maćicy Serbskeje, т. XII; его особенностямъ отведено много вниманія въ трудѣ Э. Муки «Historische und vergl. Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache». Л. В. Щерба использовалъ какъ эти работы, такъ и другія печатныя данныя, относящіяся къ мужаковскому нарѣчію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно въ V части своего труда, авторъ провелъ сравненіе между мужаковскимъ нарѣчіемъ и ближайшимъ сосѣдомъ его съ запада — слепянскимъ (съ которымъ онъ знакомъ вѣроятно отчасти непосредственно, но главнымъ образомъ по труду пастора Хандрика), а также и съ другими верхнелужицкими и нижнелужицкими говорами.

Свой разборъ труда Л. В. Щербы я начну съ нѣкоторыхъ замѣчаній на первыя три части. Первая глава содержитъ описаніе «фонемъ», исполненное мастеромъ своего дѣла, выдающимся экспериментаторомъ-фонетикомъ; она даетъ отличное представленіе о звукахъ мужаковскаго говора. Лишь кое-что осталось для меня неяснымъ. Звуки ś и ź, какъ указано въ § 38, дорсальнаго образованія, т. е. они произносятся съ опущеннымъ концомъ языка и звукообразующая щель лежитъ при этомъ довольно глубоко во рту; они звукомъ своимъ сильно напоминаютъ англійскіе соотвѣтственные звуки, но послѣдніе образуются болѣе переднею частью языка; изъ § 20 видно, что ś и ź не имѣютъ вполнѣ палатальнаго тембра, какъ ć, ʒ́, j, ń, ŕ; по вліянію своему на послѣдующія гласныя они напоминаютъ твердыя согласныя; такъ исконное i переходитъ за ними въ ι (т. е. открытое i, склонное къ концу къ е), между тѣмъ какъ за твердыми оно измѣняется въ ë (соотвѣтствующее этимологически русскому ы), а исконное ι переходитъ за ś и ź въ ɛ (т. е. открытое е), между тѣмъ какъ за твердыми ι измѣняется въ æ; по вліянію же на предшествующія гласныя ś, ź стоятъ вмѣстѣ съ твердыми. Это обстоятельство особенно убѣдительно доказываетъ непалатальный характеръ ś и ź; правда, по указанію Л. В. Щербы (с. 16), «щелинный» элементъ у нихъ и у ć, ʒ́ болѣе или менѣе одинаковъ; но несомнѣнное физіологическое различіе ś, ź и ć, ʒ́ дѣлаетъ желательнымъ обозначеніе ś, ź иными знаками, чѣмъ тѣ, на которыхъ остановился авторъ и которые графически сближаютъ ихъ съ ć и ʒ́. Я

буду обозначать шипящіе Мужаковскаго говора буквами š и ž [1]). Но замѣчаніе, которое я хотѣлъ бы сдѣлать, касается звуковъ š и ž не самихъ по себѣ, а сочетанія š съ послѣдующимъ слитнымъ звукомъ. Л. В. Щерба даетъ сочетаніе šć въ соотвѣтствіи съ šč общеславянскимъ (изъ sk, skj, stj): ďešć, spušćali, klıšće, pišćałki, łɔžıšćɔ и т. д. Совершенно для меня неясно, какъ согласовать это съ опредѣленнымъ утвержденіемъ проф. Муки, что въ мужаковскомъ и слепянскомъ говорѣ сохраняется старое произношеніе šč, между тѣмъ какъ въ большей части нижнелужицкихъ говоровъ такъ же, какъ въ верхнелужицкомъ šč измѣняется въ šć (с. 214 и 217). Равнымъ образомъ въ мужаковскомъ сохраняется по утвержденію проф. Муки žǯ (ždž), между тѣмъ какъ вообще въ лужицкихъ говорахъ оно замѣняется черезъ žʒ́: мужак. gwižďžyć, с. 218. Возможно, что Л. В. Щерба правъ и что въ мужаковскомъ говорѣ произносится šć, žʒ́, но онъ долженъ былъ выяснить свое разногласіе съ проф. Мукой. —На с. 182 Л. В. Щерба заявляетъ о своемъ расхожденіи съ проф. Мукой при опредѣленіи замѣстителя исконнаго kŕ: по проф. Мукѣ мужаковскимъ произношеніемъ будетъ šćiwда, šćidło, šćicać, šćiž, между тѣмъ Л. В. Щерба слышалъ въ такихъ случаяхъ sć. Не думаю, однако, чтобы проф. Мука былъ неправъ, ср. также у Веляна: šćicać, šćiwy, šćiž. Но вѣроятно, что рядомъ является и одно ć, напр. у Л. В. Щербы въ приложеніи ćısćian (28), и что уже затѣмъ появлялось sć (sćiwy?), подобно какъ вм. ć на мѣстѣ pŕ (ćı-, ćıd-, ćız- у Л. В. Щербы, 183) можетъ возникнуть не только pć: pćıšɛł, pćıgaʒ́ił (Прилож. 39, 37), но и sć: sćebijanæ (ib. 36) [2]). Въ текстахъ, записанныхъ Л. В. Щербой, находимъ ожидаемое колебаніе: при sćiš (крестецъ) на с. 20—šćiž 22, 24; šćiž и въ изсл., с. 96. Въ § 112 объ этомъ колебаніи у молодежи на-

---

1) Въ остальномъ держусь въ настоящей статьѣ транскрипціи Л. В. Щербы, кое-гдѣ отклоняясь отъ нея въ концѣ, гдѣ я сообщаю нѣкоторыя соображенія по исторіи луж. звуковъ, а именно тамъ вм. e пишу ê, вм. o—ô, вм. ɔ мѣстами o, вм. ё — у.

2) Неясно sć вм. ожидаемаго по Л. В. Щербѣ šć (а по Мукѣ šč): sćeŕbæ (164), какъ съ другой стороны неясно šć въ pıršćen (164) вм. ожидаемаго sć. Отмѣчу: ńıďćiʒ́ɛ (не придетъ) (Прил. 24): «Знаніе о какомъ то смычномъ, прежде здѣсь бывшемъ, выразилось въ этомъ d» (замѣчаніе Л. В. Щербы).

рочито говоритъ самъ авторъ: sćɩśka (тропинка) наряду съ śćɩśka (sć восходитъ къ st), śćiś (крестъ) наряду со sćiś.

Въ концѣ первой главы Л. В. Щерба даетъ весьма интересныя указанія на то, что гласные мужаковскаго говора въ однихъ случаяхъ можно протягивать, а въ другихъ нѣтъ: «Могу отмѣтить, продолжаетъ авторъ въ § 46, что ȣ, o, ɔ, ё, æ, ε (?), ɩ не протягиваются за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда o, ɔ, ε, ɩ стоятъ послѣ r, ŕ, ł, l; далѣе, что i, u, e протягиваются въ общемъ довольно рѣдко, что чаще всего протягивается a и что передъ двумя согласными всякій гласный протягивается крайне рѣдко». Здѣсь опять высказываю сожалѣніе о томъ, что Л. В. Щерба не согласовалъ своихъ наблюденій съ данными, предложенными проф. Мукой. Послѣдній удѣлилъ извѣстное вниманіе растяженію гласныхъ въ нижнелужицкомъ языкѣ и въ значительной степени совпадающемъ съ нимъ верхнелужицкомъ языкѣ; выводы Муки рѣзко расходятся съ наблюденіями Щербы. Проф. Мука утверждаетъ, что въ ударяемомъ слогѣ (основы) звуки a, u, i могутъ растягиваться передъ простой согласной (кромѣ s и š), а также передъ группой согласныхъ, если первая изъ нихъ мягкая; звуки ɩ (явившееся на мѣстѣ исконнаго е) и ȣ всегда кратки; напротивъ, ɩ (изъ ѣ и ę) въ нижнелужицкомъ обычно долго (въ верхнелужицкомъ замѣчается въ этомъ случаѣ колебаніе); звукъ e (e закрытое) подъ удареніемъ обыкновенно протягивается; звукъ o въ нижнелужицкомъ передъ губными въ удар. слогѣ обыкновенно протягивается; звукъ ё (у Муки y) дологъ передъ мягкими согласными. Л. В. Щерба въ прим. на стр. 30 сообщаетъ, что потратилъ на выясненіе вопроса о растяженіи гласныхъ едва-ли не половину проведеннаго имъ въ Ускиди (главномъ мѣстѣ его наблюденій) времени; это вниманіе его къ указанному явленію особенно настойчиво потребовало бы съ его стороны провѣрки результатовъ, добытыхъ, правда, не въ Мужаковѣ, но все же въ близкихъ къ нему говорахъ, проф. Мукой. Трудъ Л. В. Щербы увѣнчался все-таки однимъ весьма замѣтнымъ результатомъ, который былъ бы гораздо значительнѣе, если бы авторъ на мѣстѣ вникъ въ тѣ условія, которыми ограничивается наблюдавшееся имъ явленіе. Звуки o, ɔ, ε, ɩ, читаемъ мы въ § 46, могутъ протягиваться только тогда, когда стоятъ послѣ r, ŕ, ł, l. Приведенные въ § 48 примѣры убѣждаютъ, что протя-

женію они подвергаются именно въ тѣхъ сочетаніяхъ, которыя явились въ результатѣ перестановки, слѣдовательно, когда въ русскомъ языкѣ находимъ полногласныя сочетанія. Отчего авторъ не говоритъ объ этомъ ни въ § 46, ни въ § 48? Если бы онъ отмѣтилъ это въ указанныхъ §§, то, быть можетъ, онъ согласился бы полученныя путемъ наблюденія различія объяснить различіемъ двухъ праславянскихъ интонацій, о которыхъ онъ говоритъ, частью, какъ увидимъ, не кстати въ § 319. Въ § 48 авторъ даетъ «списокъ словъ извѣстной категоріи со всѣми тѣми данными», которыя у него имѣлись «относительно протяжности ихъ гласнаго». Если въ этомъ спискѣ мы выберемъ тѣ слова, гдѣ Л. В. Щерба послѣдовательно наблюдалъ краткость коренной гласной, то увидимъ, что въ русскомъ языкѣ имъ соотвѣтствуютъ большею частью слова съ сочетаніями о́ро, о́ло, е́ре, е́ло: kłɔs, rɔn (во́ронъ), złɔtɔ, ŕɔs (ве́ рескъ), gło̍va (ср. го́лову), śrɔda (ср. се́реду), preki (бѣлор. пе́рекъ), pŕıdë (пе́редъ)[1]; напротивъ, въ случаяхъ, гдѣ авторъ слышалъ всегда протяжную гласную, находимъ въ русскомъ послѣдовательно сочетанія оро́, оло́, ере́: ło̍ga (волога, влага), prok (порогъ), kłoć (колоть), zarɔda (загорода), zagroʒić (загоро́дитъ), strovë (ср. здоровый), sroka (сорока), zreć (глотать), zgŕɔdłɔ (жерело)[2]. Если наблюденія автора вѣрны, то результатъ ихъ имѣетъ для изслѣдователей славянскихъ языковъ первостепенный интересъ. Авторъ былъ обязанъ догадаться объ этомъ и обратить самое тщательное вниманіе на составленный имъ списокъ, подвергнувъ его необходимой провѣркѣ; безъ такой провѣрки списокъ будетъ представлять соединеніе противорѣчивыхъ данныхъ, изъ которыхъ, несмотря на кажущуюся убѣдительность приведенныхъ выше отношеній, никакого вывода сдѣлано быть не можетъ. Такъ слово pło̍mɛ авторъ слышалъ одинъ разъ съ краткимъ о, другой разъ съ протяжнымъ; mleć (молоть) одинъ разъ съ краткой гласной, другой разъ съ протяжной, grox тоже, brɔna тоже,

1) Исключеніе составляютъ łɔcyć: бранить (ср. русск. воло́читъ); creje (сапоги); при mroja находимъ въ сербск. мра̂в, мра̂ва (указывающее на мо́ровъ); въ płɔtnɔ (ср. поло́тна), błockɔ (долото), słɔtki краткость объясняется положеніемъ передъ двумя согласными.

2) Исключеніе составляетъ слово grɔt (городъ), въ наблюденіяхъ автора отмѣченное только одинъ разъ.

zgrebɛ тоже; břɔt (вередъ) два раза съ краткой гласной, два раза съ протяжной; prox (сорина, порохъ) два раза съ краткой, два раза съ протяжной, и т. д. Изъ разсматриваемаго отрывка труда Л. В. Щербы ясно, что и экспериментаторъ не можетъ другой разъ обойтись въ своихъ наблюденіяхъ безъ «какихъ либо чуждыхъ категорій, не имѣющихъ основаній въ психикѣ говорящихъ» (ср. с. XIX Введенія).

Перехожу къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, относящимся къ пятой и шестой главѣ I части. Пятая глава озаглавлена: «Модификація фонемъ и нѣчто о дѣйствующихъ фонетическихъ факторахъ»; шестая — «Ассоціаціи фонемъ». Изъ словъ автора на с. 39 и изъ совокупности предложеннаго имъ матеріала слѣдуетъ, что пятая глава дастъ описаніе факторовъ, обусловливающихъ чередованія какъ оттѣнковъ фонемъ, такъ и самыхъ фонемъ, «особенно поскольку эти чередованія не стали фактомъ сознанія говорящихъ»; между тѣмъ шестая глава разсматриваетъ тѣ чередованія фонемъ, которыя являются достояніемъ сознанія говорящихъ. Вполнѣ соглашаясь съ необходимостью опредѣлить двѣ категоріи измѣненій и чередованій фонемъ, а именно категорію, обусловленную дѣйствующими въ настоящее время факторами, съ одной стороны, и категорію, обусловленную факторами, дѣйствовавшими въ прошедшее время, съ другой, я думаю, что рискованно искать основанія для такого опредѣленія въ наличности или отсутствіи представленій о такихъ чередованіяхъ въ сознаніи говорящихъ, рискованно въ особенности при наблюденіяхъ надъ чужимъ языкомъ. При этомъ, какъ возможно то, что результаты дѣйствующихъ факторовъ, вызванныя ими ассоціаціи фонемъ проникаютъ въ сознаніе говорящихъ, такъ возможно и обратное, что результаты дѣйствовавшихъ раньше факторовъ, вызванныя ими нѣкогда ассоціаціи фонемъ, отсутствуютъ въ сознаніи говорящихъ. Мнѣ кажется, что необходимо прежде всего искать объективныхъ данныхъ при утвержденіи, что та или иная ассоціація фонемъ имѣетъ дѣйствительно мѣсто въ представленіи говорящихъ; такія данныя можно, напримѣръ, видѣть въ подчиненіи новыхъ словъ (заимствованныхъ) въ ихъ звуковыхъ измѣненіяхъ тѣмъ звуковымъ нормамъ, которыя господствуютъ въ рядѣ однородныхъ въ звуковомъ отношеніи старыхъ словъ, въ особенности когда тѣ или иныя чередованія, по выраженію автора, морфологизованы. Такъ заим-

ствованное изъ нѣмецкаго слово cukær въ косв. падежахъ имѣетъ cukra. cukroj подъ вліяніемъ vιtαr—vιtra, kȣzæł—kȣzła и т. п. (ср. с. 66). Но я не вижу напр. основаній для утвержденія, будто въ мужаковскомъ говорѣ звукъ a можетъ чередоваться съ «фонетическимъ нулемъ» (терминъ автора); о такомъ чередованіи авторъ говоритъ въ VI главѣ (§ 133), приводя какъ примѣръ: gańał — бѣгалъ туда и сюда при gnał — бѣжалъ; какихъ-нибудь объективныхъ указаній на то, что такое чередованіе живетъ въ сознаніи говорящихъ, найти не могу; допускаю, что gnał можетъ ассоціироваться въ той или другой фразѣ съ gańał, но отсюда никакъ нельзя вывести наличности въ представленіи говорящихъ чередованія a въ gańał съ «морфологическимъ нулемъ» въ gnał; gańał ассоціируется съ gnał напр. такъ же, какъ въ русскомъ языкѣ ассоціированы слова шелъ и ходилъ.

И вотъ, разсматривая содержаніе шестой главы, я вижу, что авторъ далъ въ ней не тѣ ассоціаціи гласныхъ и согласныхъ фонемъ, которыя живутъ въ представленіи говорящихъ, а тѣ, которыя живутъ въ представленіи образованнаго и наблюдательнаго лингвиста. Авторъ, правда, предупредилъ читателя на с. XIX введенія, что ему приходится относить въ одну рубрику исторически разныя явленія, но всетаки я не могъ бы отнести въ одну рубрику такія чередованія звуковъ ι, ε, e со звуками ɔ, o, ȣ, какъ данныя въ § 131, гдѣ мы находимъ рядомъ съ vιcéra — vιcɔr, ńιsæ — ńosë, vιzæ — vȣzë, pȣsćelεm — pȣstol. Основываясь на доступныхъ фактахъ, я рѣшительно не вижу, чтобы въ мужаковскомъ нарѣчіи, напр., звукъ e передъ мягкой согласной стоялъ въ какомъ-нибудь *правильномъ* чередованіи со звукомъ ɔ передъ соотвѣтствующею твердою согласной, чередованіе же e передъ палатальнымъ l съ o передъ палатальнымъ же l является, повидимому, только въ приведенныхъ авторомъ словахъ. Мнѣ вообще кажется, что изъ приведенныхъ въ § 131 чередованій можно вывести заключеніе, что дѣйствительно въ чередованіи находятся приведенныя здѣсь слова, но не содержащіяся въ нихъ фонемы.

Съ другой стороны, глава шестая содержитъ рядъ такихъ чередованій, которымъ мѣсто именно въ пятой главѣ, ибо они свидѣтельствуютъ о дѣйствіи еще живыхъ, не отошедшихъ въ прошлое фонетическихъ фак-

торовъ. Сюда относятся, напримѣръ, тѣ чередованія, о которыхъ авторъ говоритъ, что они живо сознаются говорящими. Тамъ э замѣняется черезъ ȣ въ первомъ слогѣ въ положеніи за губными и задненёбными, въ силу, очевидно, вліянія природы этихъ согласныхъ на измѣненіе звука э (ср. §§ 142, 144). Напротивъ, э передъ губными и задненёбными переходитъ въ звукъ о: авторъ говоритъ объ этомъ явленіи въ шестой главѣ (§ 144), но также и въ пятой (§ 87). Условія замѣны ε (открытаго е) черезъ е (е закрытое) выяснены въ шестой главѣ (§ 128), гдѣ сказано, что ε чередуется съ е передъ мягкими или и немягкими согласными, стоящими передъ палатальными гласными. Тотъ фактъ, что ε вообще не можетъ стоять передъ мягкими согласными, ясно свидѣтельствуетъ о живомъ фонетическомъ факторѣ, а поэтому объ измѣненіи ε въ е надлежало бы сказать въ главѣ пятой (§ 81), ср. напр. е въ заимствованныхъ словахъ gelegεnajt (Прил. 10), geńike (14), zebedejovæk sëna (28). Неясность принципа, по которому распредѣлялся матеріалъ между пятой и шестой главой, сказалась напр. и въ томъ, что въ § 81 читаемъ: «предшествующіе [фонемѣ е] согласные никогда не бываютъ палатализованы, что обусловливаетъ отсутствіе высокихъ переходныхъ звуковъ въ началѣ»; въ § же 124 находимъ тоже, но въ иныхъ выраженіяхъ: «передъ е никогда не стоитъ ŕ, ń». Выраженія § 124 точнѣе и опредѣленнѣе, ибо передъ е мы находимъ ć, ʒ́, но оно не согласовано съ указаннымъ въ § 150 отвердѣніемъ ĺ передъ е. Но если стать на историческую точку зрѣнія, то правильно будетъ сказать, что ŕ, ń теряютъ свою палатализацію передъ е (сохраняя ее передъ і, ι, ε); такое вліяніе е на природу ŕ, ń слѣдовало отмѣтить именно въ пятой главѣ. Любопытно мужак. pere вм. болѣе древняго perje, а это изъ perjej (perŵej); ср. у Веляна: pĕrjej.

Мало разработанными оказываются въ изслѣдованіи автора явленія эпентезы, т. е. появленія i̯ послѣ гласной подъ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной. Повидимому, въ этомъ отношеніи мужаковскій говоръ стоитъ ближе къ нижнелужицкому, чѣмъ къ верхнелужицкому; см. объ относящихся сюда явленіяхъ у проф. Муки § 150. Въ § 157 Л. В. Щерба сообщаетъ о чередованіи ń съ jn въ концѣ слова или слога: kȣńa при kȣjn, bańuška при bajŋka, stajn (стань), но эпентеза не ограничивается этимъ

условіемъ; мы находимъ ее и въ открытыхъ слогахъ: въ § 343 авторъ говоритъ, что ему «не совсѣмъ ясенъ j въ глаголахъ sajʒ́i (садитъ) и xʊjʒ́i (ходитъ)» и отмѣчая отсутствіе j въ raʒ́i (совѣтуетъ), roʒ́i (слушаетъ), высказываетъ предположеніе, что oj могло заимствоваться изъ итеративныхъ формъ sajʒ́a, sxajʒ́a, гдѣ ʒ́ приходится между двумя a; едва ли однако положеніе между двумя a могло способствовать эпентезѣ; ср. эпентезу еще въ ajš (изъ aže), tajki (такой). Быть можетъ, слѣдуетъ допустить, что j удерживалось тамъ, гдѣ попадало передъ твердую согласную: подъ вліяніемъ sajʒ́i, xʊjʒ́i являлось sajzać, sxajzać (откуда нефонетически sajʒ́ać, sxajʒ́ać); подъ вл. tajki — tajka; tajka, sajzać охраняли j отъ исчезновенія и въ tajki, sajʒ́i.

Въ § 123 Л. В. Щерба предлагаетъ различать въ описываемомъ говорѣ два e: одно, которое не чередуется съ ɩ, ɛ, æ, но которое иногда чередуется съ ej передъ гласными, и другое, которое въ опредѣленныхъ условіяхъ чередуется съ ɩ и ɛ и отчасти съ æ. Мнѣ кажется, правильнѣе было бы тутъ же опредѣлить различное происхожденіе этихъ e: второе восходитъ къ исконнымъ e и ѣ, а первое явилось непосредственно изъ ej; о выпаденіи i̯ (j) послѣ e авторъ упоминаетъ въ прим. къ § 95, ссылаясь на § 155, а въ этомъ послѣднемъ даются примѣры для e изъ ei̯ только въ концѣ слова; но несомнѣнно, что e и въ приведенныхъ въ § 123 случаяхъ: gʊre (наверхъ), gʊrecnæ (верхнее), vʊne (они два), kralestvɔ, ɗešć восходитъ къ ej. Неясно, отчего не было сказать объ этомъ подробнѣе; это тѣмъ болѣе необходимо, что ej въ указанныхъ словахъ различнаго происхожденія; такъ въ ɗešć оно возникло въ результатѣ эпентезы; kralejstvɔ заимствовало ej, вѣроятно, изъ kralejski; e въ vʊne восходитъ къ aj. Всего этого мы не находимъ въ трудѣ Л. В. Щербы потому, что въ немъ отсутствуетъ отдѣлъ, посвященный происхожденію лужицкихъ звуковъ; «объяснительная часть» труда сообщаетъ о соотвѣтствіи праславянскихъ звуковъ лужицкимъ.

Мнѣ осталось неяснымъ то объясненіе, которое дается авторомъ переходу ns, nś въ nc, nć: tæn śoƚta перешло въ tæn ćoƚta (§ 109); переходъ этотъ ставится въ связь съ потерею носовымъ звонкости. Въ § 96 читаемъ: c послѣ n въ абсолютномъ исходѣ, а также въ серединѣ слова передъ согласнымъ болѣе или менѣе лишается смычнаго элемента, т. е.

редуцируется почти въ s: tĕ kajnc (пирогъ) = почти tĕ kajns; pʊ̆tæncи при pʊ̆tænsu (Прил., с. 8); tæn cł̕əjɛk = почти tæn sł̕əjek (ср. также въ текстѣ, напечатанномъ въ Прилож., с. 14). Наличность перехода nc въ ns дѣлаетъ сомнительнымъ, чтобы ns измѣнилось въ nc въ результатѣ потери носовымъ звонкости.

Не нахожу у автора указанія на общій переходъ tł̕ въ kł̕; ср. на с. 57 mɩkł̕ (вм. mɩtł̕), vʊ̆tvɛrkli (вм. vʊ̆tvertli), но онъ считаетъ ихъ обмолвками; между тѣмъ находимъ: kł̕usty, kł̕ucy (дробить) на с. 166, какъ общее произношеніе.

Въ § 72 авторъ останавливается на синкопированіи гласныхъ; онъ указываетъ на синкопированіе u въ ńɩbʒ́ɛ (не будетъ) при buʒ́e; не находя u въ группѣ особо краткихъ гласныхъ, онъ для объясненія его синкопированія вспоминаетъ о краткости u въ соотв. чешскомъ словѣ. Проще было бы вспомнить, что семасіологически это слово слабоударенное. Слабоударенностью объясняется и deŕɛ изъ dobŕɛ, представляющее для автора загадку; deŕɛ въ значеніи gut, wohl соотв. старому debŕɛ (см. у Муки, 43, а также въ словарѣ Пфуля).

Перехожу ко II части изслѣдованія Л. В. Щербы. Она дѣлится на два отдѣла: въ первомъ (подъ буквой А) описываются «Способы обозначенія посредствомъ одного слова новыхъ понятій»; во второмъ (подъ Б)— «Способы обозначенія посредствомъ одного слова оттѣнковъ одного и того же понятія». Какъ и слѣдовало ожидать, автору не удалось точно разграничить «новыя понятія» отъ «оттѣнковъ одного и того же понятія», когда онъ рѣшилъ включить въ одну общую схему какъ явленія словообразованія, такъ и явленія словоизмѣненія. Впрочемъ, явленія словообразованія разсматриваются подъ А; неясно, зачѣмъ тѣ же явленія описываются и подъ Б. Авторъ разграничиваетъ тѣ и другія явленія. Въ отдѣлѣ А, въ § 166, онъ сообщаетъ, что «для обозначенія жены того, кто обозначенъ производящимъ именемъ, употребляется суффиксъ -k-, если основа производящаго имени оканчивается на r, ŕ, s, ś»; въ числѣ примѣровъ: karcmaŕka (шинкариха) отъ karcmaŕ (шинкарь). Въ отдѣлѣ Б, въ § 187, читаемъ: «въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть образованы отъ именъ, обозначающихъ мужчинъ (или самцовъ), имена, обозначающія женщинъ (или самокъ), посредствомъ суффикса -k-»; въ числѣ примѣ-

ровъ prэsaŕka (нищая). Въ примѣчаніи читаемъ: «Очевидно, что напримѣръ karcmaŕka въ значеніи «жена шинкаря» будетъ относиться въ отдѣлъ А (см. § 166), а въ значеніи «женщина-шинкарка» сюда». Думаю, что karcmaŕka и въ томъ и въ другомъ значеніи является новымъ словомъ, новымъ понятіемъ сравнительно съ понятіемъ, выраженнымъ словомъ karcmaŕ, и едва ли факты языка даютъ основаніе отдѣлять суффиксъ -k- въ karcmaŕka (шинкарка) отъ -k- въ karcmaŕka (жена шинкаря). При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что въ отдѣлѣ Б разсматриваются преимущественно имена уменьшительныя[1]) и имена увеличительныя. Эти имена авторъ признаетъ выражающими оттѣнокъ понятія, содержащагося въ простомъ словѣ. Рѣшительно не понимаю, зачѣмъ вообще автору понадобилось раздѣленіе «новыхъ понятій» и «оттѣнковъ новыхъ понятій». Нельзя не замѣтить однако, что соединеніе въ одной рубрикѣ съ уменьшительными и увеличительными, дѣйствительно, не теряющими связи съ простымъ словомъ — образованій, обозначающихъ лица женскаго пола, едва ли цѣлесообразно, въ виду того, что имена лицъ женскаго пола иногда выражаются, въ отличіе отъ именъ муж. пола, совсѣмъ особыми словами (ср. кобыла — конь, жеребецъ; корова — быкъ и т. п.). И такъ же неправильно соединять въ одну рубрику со всѣми предыдущими словами такія сложныя слова, какъ ludaŕ źoka (сволочь-дѣвка), въ особенности потому, что źoka въ лужицкомъ означаетъ также и дочь.

Не могу согласиться съ авторомъ, когда онъ въ примѣчаніи на с. 76 утверждаетъ, что «префиксы въ мужаковскомъ не употребляются для образованія обозначеній новыхъ понятій». Правда, на с. 116 указывается, что префиксы служатъ для выраженія нѣкоторыхъ оттѣнковъ понятій, обозначаемыхъ глаголами, но напр. ćdać (продать) едва ли можно считать оттѣнкомъ глагола дать — это новое понятіе сравнительно съ тѣмъ, которое выражено глаголомъ dać (дать).

Отдѣлъ морфологіи (с. 92—140) вызываетъ въ читателѣ много вопро-

---

1) Мнѣ неясны разсужденія автора на с. 85 по поводу образованій, какъ vзzëk, nэžik вмѣсто ожидаемыхъ имъ *nэšk, *vзsk; онъ упускаетъ изъ виду, что и русскій языкъ имѣетъ возикъ, ножикъ, а не ножокъ.

совъ своею неполнотой. Возможно, что автору удалось сгруппировать и систематизировать весь свой матеріалъ, но онъ не далъ ему должнаго освѣщенія. Это зависѣло прежде всего отъ того, что явленія другихъ лужицкихъ говоровъ и вся относящаяся къ нимъ грамматическая литература оставлены совсѣмъ въ сторонѣ. Имѣемъ передъ собой простое описаніе фактовъ, а не историко-сравнительное ихъ изслѣдованіе. Такъ напримѣръ, на с. 94, 95 указано для род. ед. м. р. окончаніе -a (duba, boka); на с. 98 читаемъ: «хотя -a является единственнымъ окончаніемъ род. пад., однако можно слышать: do domu = dom «домой»; do dvoru «во дворъ»; tæk šeu̯cu źenska «жена портного»; vokołogatu «около пруда». Между тѣмъ, судя по другимъ изслѣдованіямъ, окончаніе -u въ род. имѣетъ въ лужицкихъ говорахъ вообще широкое распространеніе, въ особенности у словъ, означающихъ неодушевленные предметы, а прежде всего собирательныя понятія. При этомъ по замѣчанію проф. Муки особенное распространеніе окончаніе -u имѣетъ именно въ мужаковскомъ говорѣ: grodu, rodu, prachu, boku (с. 308). Напротивъ, употребленіе окончанія -u въ одушевленныхъ (у Л. В. Щербы šeu̯cu) настолько рѣдко, необычно въ лужицкихъ языкахъ, что требовало бы особой оговорки. Въ дат. м. р. Л. В. Щерба знаетъ только окончаніе -oj (при рѣдкомъ -u, ср. с. 98: bogu, skȣtu); проф. Мука также указываетъ на единичность -u въ дат. м. р. мужаковскаго говора (примѣры: Bogu, skótu, с. 310), но утверждаетъ, что обычными окончаніями являются -oju и -oji (duboju и duboji); мнѣ кажется, что разногласіе съ проф. Мукой должно было быть указано Л. В. Щербой тѣмъ болѣе, что проф. Мукѣ хорошо извѣстно и окончаніе -oj, но изъ другихъ говоровъ (напр. слепянскаго). Необходимо замѣтить, что Л. В. Щерба и самъ говоритъ объ окончаніи oji, oi въ другомъ мѣстѣ (с. 46).

Рѣшительное сомнѣніе вызываетъ во мнѣ указаніе Л. В. Щербы на то, что въ двойств. числѣ формы, какъ dubovu, pȣlovu, naju, suxeju и т. п., означаютъ не только род. надежъ, но и мѣстный. Проф. Мука совсѣмъ этого не знаетъ и утверждаетъ, что мѣстн. дв. сходенъ по формѣ съ дат. и твор., слѣдовательно: duboma, mȣŕoma, słovoma, nama и т. д. (§ 157, пр. 3). Если бы наблюденіе Л. В. Щербы было вѣрно,

онъ, мнѣ кажется, былъ бы обязанъ указать на данное расхожденіе мужаковскаго говора со всѣми другими лужицкими.

Обычное въ славянскихъ грамматикахъ названіе творительнаго падежа Л. В. Щербой замѣнено «предложнымъ» на томъ основаніи, что форма его сама по себѣ значенія не имѣетъ и употребляется только въ связи съ нѣкоторыми префиксами (с. 93). Едва ли можно оправдать предложенную авторомъ замѣну, хотя, конечно, существеннаго значенія это не имѣетъ. Но вотъ что стоитъ въ связи съ этой замѣной. Въ русскомъ языкѣ названіе предложный падежъ присвоенъ старому мѣстному; Л. В. Щерба для послѣдняго сохранилъ названіе мѣстный, какъ бы подчеркивая этимъ, что въ мужаковскомъ мѣстный не зависитъ непремѣнно отъ предлога, не употребляется исключительно въ связи съ предшествующими предлогами; нигдѣ авторъ не указываетъ того, что отсутствіе предлога v передъ формами мѣстнаго падежа зависитъ отъ фонетическаго выпаденія v: мужак. karcmɛ, mužakovɛ, nofæmbeŕɛ стоятъ вмѣсто v karcmɛ, v mužakovɛ, v nofæmbeŕɛ, что видно не только изъ другихъ лужицкихъ говоровъ (о выпаденіи v говоритъ проф. Мука въ § 158 пр. 2, а Л. В. Щерба въ § 51), но также изъ того, что, частью при опредѣленныхъ фонетическихъ условіяхъ, частью при синтактическихъ, предлогъ является въ видѣ væ, ve и не опускается: ve jɔrdańɛ, væ dvɤŕɛ, væ klaccæ (при klaccæ, см. у автора, с. 89), vα nɔsu (и nɔsu), væ voźɛ, væ te karcmɛ, væ gusënëm gnoju, væ tëm casu, nɔcë a væ dńɛ (Прил., с. 21), и т. д. Ср. пропускъ v также передъ вин.: sobɔtu vɤn jɔ śɛł do śule a hucëł (Прил., с. 28); vɤn jɔ pjatnastë oktobær fɤrtśɛł (онъ ушелъ пятнадцатаго октября, вм. v pjatnastë)[1].

Не скажу, чтобы оригинальное распредѣленіе матеріала по склоненію, данное авторомъ, сколько-нибудь облегчало обозрѣніе или пониманіе относящихся сюда явленій. Замѣчу въ частности, что въ единств. числѣ авторъ различаетъ два склоненія: къ первому относятся слова муж. и ср. рода, ко второму слова женскаго рода. Но въ дв. и мн. числѣ всѣ три рода разсматриваются вмѣстѣ. Это представляетъ извѣстныя неудобства; такъ въ § 209. 1 одновременное разсмотрѣніе окончаній им. мн. на i, ɛ

---

1) Также опускается предлогъ k: pɪe te stare maćeŕi, Прил. 43, и т. п.

и ĕ для словъ муж. и ж. рода вноситъ рѣшительную путаницу; «старшее поколѣніе, говоритъ авторъ, часто предпочитаетъ окончаніе і тамъ, гдѣ младшее поколѣніе употребляетъ обычное ε»; изъ приведенныхъ примѣровъ трудно догадаться, какъ говоритъ старшее и какъ младшее поколѣніе; carĉi, susez̀i свойственно ли только старшему поколѣнію? говоритъ ли только младшее поколѣніе łosë, psë?

Особенное вниманіе авторъ обратилъ на видовыя различія въ глаголахъ. «Вопросъ о видахъ, говоритъ онъ на с. 122 пр., наряду съ вопросомъ о долготѣ гласныхъ былъ для меня самымъ труднымъ; я постоянно имъ всячески занимался и неоднократно проходилъ весь свой словарь съ разными лицами . . . Но перфективирующая функція префиксовъ рѣшительно не поддавалась наблюденію (обычнаго въ славянскихъ языкахъ правила объ образованіи будущаго времени въ мужаковскомъ не существуетъ)». Слѣдовательно, авторъ не нашелъ формальныхъ различій между глаголами совершеннаго и несовершеннаго вида, т. е. такихъ различій, которыя существуютъ напр. въ русскомъ языкѣ и прежде всего въ другихъ лужицкихъ языкахъ. Думаю, что и здѣсь автору надлежало бы исходить въ своемъ изслѣдованіи изъ сравненія съ ближайшими къ мужаковскому данными, т. е. данными другихъ лужицкихъ говоровъ. Судя по указаніямъ проф. Муки и пастора Швели, въ верхнелужицкомъ и нижнелужицкомъ живы и до сихъ поръ формальныя отличія между обоими видами: такъ наст. время перфективныхъ глаголовъ имѣетъ значеніе будущаго времени, между тѣмъ какъ имперфективные глаголы при образованіи будущаго времени прибѣгаютъ къ описательнымъ оборотамъ (съ budu, buz̀om); равнымъ образомъ отъ глаголовъ совершеннаго вида не образуется причастіе наст. времени; въ письменномъ языкѣ только отъ глаголовъ соверш. вида можетъ образоваться аористъ, между тѣмъ какъ только отъ глаголовъ несовершеннаго вида образуется имперфектъ. Въ мужаковскомъ нарѣчіи Л. В. Щерба формальныхъ отличій для обоихъ видовъ не указываетъ. Но въ такомъ случаѣ, на чемъ основываются всѣ его замѣчанія о видовыхъ отличіяхъ глаголовъ (§§ 228—233)? На анализѣ различныхъ оттѣнковъ ихъ значеній — но, повидимому, дѣло идетъ о различіяхъ реальныхъ, а не формальныхъ, слѣдовательно, относящихся не къ грамматикѣ, а къ лексикологіи. Думаю, однако, что авторъ при-

шелъ бы къ иному заключенію, если бы привлекъ къ своему изслѣдованію данныя другихъ лужицкихъ говоровъ. Въ настоящемъ его видѣ изслѣдованіе автора не имѣетъ подъ собой твердой почвы. Ему самому «до извѣстной степени не совсѣмъ твердымъ представляется» сказанное имъ въ § 232 (см. § 233), а въ § 232 читаемъ въ самомъ началѣ: «Мнѣ кажется, что перфективность въ томъ видѣ, какъ мы ее себѣ представляемъ въ русскомъ, вовсе не существуетъ въ мужаковскомъ». Едва ли, однако, обосновано самое начало изслѣдованія о видахъ, гдѣ (въ началѣ § 228) «однократные, обозначающіе дѣйствіе произведенное одинъ разъ», отождествляются съ перфективными, не упомянутыми поэтому здѣсь среди тѣхъ категорій, на которыя распадаются глаголы. Между тѣмъ въ § 231 читаемъ: «однако мнѣ неясно, можно ли вполнѣ отожествлять перфективированные глаголы съ однократными». Конечно нѣтъ; это ясно изъ многочисленныхъ примѣровъ, приведенныхъ самимъ авторомъ. Такъ въ § 229 правильно указывается, что посредствомъ «пустыхъ» префиксовъ можетъ быть выражено понятіе законченности дѣйствія: nalejɛ (нальетъ), zajadńɛ (увянетъ). Не сомнѣваюсь въ томъ, что въ общемъ значеніе перфективности въ мужаковскомъ нарѣчіи то же, что въ русскомъ.

Авторъ непремѣнно сталъ бы утверждать то же самое, если бы онъ не обратилъ вниманія на то, что настоящее время перфективныхъ глаголовъ, вопреки русскому, можетъ сохранять значеніе настоящаго времени. Это имѣетъ мѣсто не въ одномъ мужаковскомъ говорѣ, а во всѣхъ лужицкихъ языкахъ. Но значеніе такого настоящаго времени отличается отъ значенія обычнаго (длящагося) настоящаго времени и грамматиками обозначается какъ praesens historicum (momentaneum); это настоящее время выражаетъ оконченное или начавшееся, въ настоящій моментъ недлящееся, а однократное дѣйствіе (у Муки § 297. 5). Съ этимъ мы не сравнимъ историческаго настоящаго времени въ сербскохорватскомъ (Maretić, Gramatika, с. 587), но сопоставимъ прежде всего такое же употребленіе наст. вр. перфективныхъ глаголовъ въ словенскомъ; это настоящее время названо Шкрабцомъ praesens effectivum и восходитъ здѣсь къ древнѣйшимъ памятникамъ. Тѣмъ не менѣе, въ особенности послѣ статьи J. Mencej'a (Archiv f. sl. Ph. XVIII), совершенно ясно, что наст. время перфективныхъ глаголовъ получило значеніе настоящаго времени

подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка. Всего вѣроятнѣе, что и въ лужицкихъ языкахъ это употребленіе обязано тому же вліянію; автору, б. м., надлежало отмѣтить это и доказать. Несмотря на такую особенность настоящаго времени перфективныхъ глаголовъ и въ лужицкомъ и въ словенскомъ, значеніе перфективности въ нихъ, камъ можно видѣть, то же, что въ русскомъ. — Въ мужаковскомъ сохраняется до сихъ поръ формальное отличіе перфективныхъ отъ имперфективныхъ глаголовъ, состоящее въ томъ, что всякое настоящее время перфективнаго глагола можетъ употребляться и въ смыслѣ будущаго: vȣn pȣjʒ́ɛ, dĕȣ́ namaka[1]). Правда, Л. В. Щерба указываетъ, что и настоящее время имперф. глаголовъ можетъ употребляться въ такомъ же значеніи, но по его же словамъ это встрѣчается рѣже[2]). Ср. съ этимъ употребленіе въ значеніи будущаго времени настоящаго и въ русскомъ языкѣ при ближайшемъ указаніи въ фразѣ, что дѣйствіе имѣетъ мѣсто въ будущемъ: завтра ѣду въ Москву, черезъ два дня пускаемся въ путь; въ примѣрѣ, предложенномъ Л. В. Щербой, vićɛ pusćam ȣ́ɪckɛ xȣjcæ (завтра срублю всѣ сосны), puȣ́cam получило значеніе будущаго въ соединеніи именно съ vićɛ (завтра). Особенностью мужаковскаго и не одного мужаковскаго, но также нижнелужицкихъ говоровъ, особенностью, отличающею ихъ отъ русскаго языка — является возможность образованія сложнаго будущаго отъ глаголовъ совершеннаго вида: ср. ja ȣ́em (т. е. буду) sæ lɪnuć (с. 135), zabĕć ḿɪ budu (Прил., с. 45), buʒ́ɛte vȣne vusnuć (ib. 37). Ср. у Муки с. 604 и 605.

Во всякомъ случаѣ можно было бы ждать отъ автора болѣе обстоятельнаго изслѣдованія видовъ мужаковскаго глагола и между прочимъ, во-первыхъ, указанія на несложенные съ префиксомъ глаголы перфективнаго значенія; во-вторыхъ, указанія на тѣ сложенные съ префиксами глаголы, которые не имѣютъ перфективнаго значенія (ср. у автора ćiʒ́ɛ въ значеніи приходить, с. 120).

1) Въ нижнелуж. namakaś глаголъ имперфективный, судя по указанію проф. Муки въ статьѣ, посвященной вопросу о видахъ въ лужицкомъ и помѣщенной въ Zbornik u slavu V. Jagića (Berlin, 1909, см. с. 722).

2) Неясно замѣчаніе Л. В. Щербы на с. 24 Прил. по поводу формы ńid ćiʒ́ɛ (не придетъ): «слѣдуетъ отмѣтить также будущее простое, теперь въ общемъ неупотребительное».

Перехожу къ разсмотрѣнію V части изслѣдованія автора, «Объяснительной». Она распадается на шесть главъ. Скажу нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ. Въ первыхъ двухъ главахъ находимъ «историко-сравнительное объясненіе» мужаковскаго вокализма и консонантизма. Въ началѣ своего объяснительнаго изслѣдованія, въ § 283, авторъ опредѣляетъ свои пріемы такими словами: «Такъ какъ мнѣ не приходится прокладывать новыхъ путей, то я смогу гораздо проще и скорѣе сказать все нужное, если буду отправляться отъ условнаго праславянскаго состоянія». Не знаю, зачѣмъ автору понадобилось проще и скорѣе изложить то, что въ сущности должно было составить главный предметъ его труда; но на самомъ дѣлѣ авторъ избралъ путь весьма далекій и сложный; мужаковскій говоръ никто не согласится вывести непосредственно изъ общеславянскаго праязыка; слѣдовательно, отправляясь отъ праславянскаго состоянія, авторъ неминуемо долженъ былъ бы остановиться и на промежуточныхъ состояніяхъ, изъ которыхъ одно во всякомъ случаѣ можетъ быть опредѣлено какъ пралужицкое или общелужицкое, а другое еще старшее предположительно какъ общезападнославянское. Но авторъ упростилъ этотъ путь и, допуская, какъ мнѣ кажется, методологическую ошибку, вывелъ мужаковскіе звуки непосредственно изъ праславянскихъ. Въ пятой главѣ авторъ какъ бы оправдываетъ свои пріемы, выставляя положеніе объ отсутствіи общелужицкаго праязыка, но пока я на этомъ вопросѣ не останавливаюсь, и считаю себя вправѣ уже теперь сдѣлать автору вышеизложенные упреки, такъ какъ авторъ не познакомилъ насъ съ доводами, позволяющими связать мужаковское нарѣчіе съ праславянскимъ языкомъ непосредственно. Сдѣлаю автору теперь же еще одинъ упрекъ. Его пріемы не даютъ возможности объяснить мужаковскую фонетику; исходя отъ праслав. состоянія, авторъ естественно оставляетъ внѣ своего изложенія цѣлый рядъ звуковъ, развившихся изъ исконныхъ славянскихъ звуковъ не непосредственно, а путемъ сложныхъ явленій не только физическаго, но и психическаго характера. Такъ въ § 284 указывается, что праславянскому a соотвѣтствуетъ мужаковское a; «единственное исключеніе находимъ въ ne-, префиксѣ превосходной степени»; и вотъ это e въ ne- остается авторомъ необъясненнымъ (оно восходитъ къ ej, а ej, повидимому, изъ aj, ср. neme изъ nemaj, Прил. 139;

у проф. Муки, с. 43, также въ им.-вин. дв. te, vʊ̈ne, nove, 2 и 3 дв. ḿsæte, busɛte, 1 дв. sme и т. д.; ср. окончаніе ej при aj въ этихъ формахъ въ другихъ луж. говорахъ)[1]). Такъ въ § 317 указано, что праславянскому o соотвѣтствуетъ въ мужаковскомъ o (т. е. ô) передъ губными, заднепёбными, ł и передъ мягкими; но авторъ не объяснилъ происхожденія o (ô) въ префиксѣ do, напр. do svɔjɛk (Прил., с. 21), dońɛsæ (34), do nas (Изсл., с. 88) или въ словахъ vos, voca (ср. с. 48, 19), гдѣ оно изъ oṷ[2]) и т. д. Равнымъ образомъ не объяснено происхожденіе e напр. въ nesu, или звука æ въ ŕadnæg, ɛ въ suxɛg и мн. др. Въ § 337 указано, что праслав. pŕ, kŕ въ мужаковскомъ говорѣ соотвѣтствуютъ pś, sś, но во-первыхъ, не отмѣченъ переходъ tŕ въ tś(ć); во-вторыхъ, не доказано, что дѣйствительно въ праслав. въ соотвѣтствующихъ случаяхъ r было мягкимъ[3]); въ-третьихъ, не указано опредѣленно, что переходу въ pś, sś, tś не подвергались позднѣе явившіяся группы pŕ, kŕ, tŕ; правда, въ прим. на это есть глухое указаніе, но здѣсь имѣются въ виду только группы, возникшія въ результатѣ перестановки, и не объясняется, что также сохраняется ŕ въ группахъ, восходящихъ къ первоначальнымъ pьr, tьr, ср. ŕ въ popŕajnc. Въ § 285. 5 указывается, что i «въ извѣстныхъ условіяхъ иногда можетъ оказаться e» и дѣлается ссылка на § 128, но въ послѣднемъ эти условія не выясняются, а лишь приводятся два примѣра чередованія ɩ съ e: śeja при śɩja, śeć при śɩć (шить); аналогично e въ ce (изъ cej), ceja (чей, чья), lejɛm (с. 72); повидимому, e замѣняетъ ɩ изъ i передъ мягкой согласной. Въ § 301 указано, что праславянскому ŕ слоговому соотвѣтствуютъ въ мужаковскомъ ær,

---

1) Чрезвычайно интересно, что -le изъ -laj, напр. въ перфектѣ, замѣняется черезъ le: bële, xëtale, śle (Прил. 28); однако въ прил.: svɩtle vʊ̈cë (ib. 48).

2) Смущающее автора koľɛ очевидно заимствовало свое o (вмѣсто ʊ̈) изъ сложныхъ съ предлогами, ср. rəsproŕɛm при pʊ̈ŕɛm на с. 69 и 68.

3) Нельзя признать доказательствомъ то, что авторъ говоритъ въ прим. на с. 181: «Держусь мнѣнія, что t', d' въ опредѣленныхъ условіяхъ когда то были свойственны всѣмъ славянскимъ языкамъ». Считаю вѣроятнымъ, что общеслав. t, d, r, n и всѣ прочія несмягченныя согласныя были полумягки передъ гласными передняго ряда; мягкими же были только r, l, n, восходящія къ rj, lj, nj: ср. въ сербскомъ сохраненіе ľ, ń, но отвердѣніе l, n полумягкихъ.

eŕ, ɩr, ar (zærno, meŕva, smɩŕe, cart), но не объяснено štv8rtë, ср. у Якубицы cwarty; štv8rtë явилось, конечно, подъ вліяніемъ štv8ræ. Подобныхъ недочетовъ въ данной части изслѣдованія Л. В. Щербы можно указать еще нѣсколько.

Но кромѣ того его сопоставленія мужаковской фонетики съ праславянской во многихъ случаяхъ изложены недостаточно ясно. Такъ въ § 310 читаемъ: «праслав. ь = мужаковск. ε||ɩ, æ, i||ɩ, o или нуль»; въ § 311: «праслав. ъ = мужаковск. æ, e, ë|i или нуль». По поводу этихъ разнообразныхъ измѣненій имѣются слѣдующія дополнительныя замѣчанія; въ § 310: «Изъ примѣровъ видно, что поскольку ь не исчезло и не превратилось въ i, продолжатели его совершенно совпали съ продолжателями праслав. e. Въ частности, что они также переходили въ ɔ, o, ясно видно еще и изъ слова słuźobnë (служащій)»; въ § 312: «Условія перехода праслав. ь, ъ въ ε, æ или ихъ исчезновенія обычны и не вызываютъ особыхъ замѣчаній . . . Передъ j праслав. ь, ъ даютъ i (ɩ), ë». По поводу всего этого можно сдѣлать рядъ возраженій. Во-первыхъ, мужаковскимъ pijεm, šɩja, hobmëjεm, ŕëjεm въ праслав. соотвѣтствовали piję, šija, obmyję, ryję; славянскіе языки южные, западные, бѣлорусскій, малорусскій не даютъ основанія принимать здѣсь въ общеслав. ь, ъ передъ j; мы знаемъ, напротивъ, что ъ, ь передъ j переходили въ общеслав. въ i, y (sińii, dobryi); великор. ей, ой замѣнили ий, ый на великорусской почвѣ. Во-вторыхъ, не отмѣчено o изъ ъ въ popŕajnc, ср. въ нижнел. paprjeńc, верхнелуж. paprińc, при верхнелуж. popjeŕ, нижнелуж. pëpś при pjepjeŕ, pjepś (Мука, 47); не отмѣчено также a на мѣстѣ ъ въ мужаковскомъ packa (см. у Веляна и у Муки, 47) при pecka, верхнелуж. póčka (зерно плода). Въ-третьихъ, условія исчезновенія ъ и ь въ мужаковскомъ дѣйствительно общи съ условіями, господствующими въ лужицкихъ языкахъ, но они частью необычны въ другихъ славянскихъ языкахъ (кромѣ полабскаго и кашубскаго),—а именно ъ и ь въ неударяемомъ (неначальномъ) слогѣ исчезаютъ и въ сильномъ положеніи, т. е. тамъ, гдѣ въ слѣдующемъ слогѣ за ними находились ъ и ь: k8nc, štv8rtk. Въ-четвертыхъ, авторъ не выяснилъ условій, при которыхъ замѣститель ь переходитъ въ ɔ; почему мы имѣемъ въ мужаковскомъ lɔt изъ ledъ, но lɩn, pɩs изъ lьnъ, pьsъ?

Помимо этого находимъ въ разсматриваемой главѣ нѣсколько недосмотровъ. Въ § 289 авторомъ указываются соотвѣтствія праслав. ę; къ нимъ вернусь еще разъ и буду возражать противъ допущенія измѣненія ę въ o; здѣсь укажу, что авторъ допустилъ пропускъ; онъ не сказалъ о формѣ custë (частый), о которой я узналъ изъ напечатанной имъ въ Приложеніи (с. 36) пѣсни, а также изъ словарика Веляна (custo); итакъ звуку ę соотвѣтствуетъ u, т. е. такъ же, какъ это обычно въ говорѣ Якубицы (ср. у автора § 290), ср. тамъ custo, juzyk, р. мн. źesut (обычно послѣ исконно мягкихъ согласныхъ передъ слѣд. твердой, ср. полабск. ǒ изъ ę передъ твердой согласной); совпаденіе съ Якубицей въ данномъ случаѣ тѣмъ интереснѣе, что говоръ Якубицы, нынѣ вымершій, во всякомъ случаѣ относился къ восточнолужицкой области [1]). Въ § 286. 2 Л. В. Щерба говоритъ, что въ соотвѣтствіи съ праслав. vy- мы находимъ vu-, hu- во всѣхъ лужицкихъ языкахъ, кромѣ діалекта Якубицы; между тѣмъ vy- сохраняется еще въ Любійскомъ говорѣ верхнелужицкой группы. Въ § 319 (с. 173) устанавливается, что bŕiza произносится во всѣхъ лужицкихъ говорахъ, между тѣмъ нижнелужицкимъ произношеніемъ является bŕaza (какъ указано авторомъ на с. 170). Въ прим. на с. 177 читаемъ: «Въ верхнелуж. по «сплошности сознанія» однако въ одномъ случаѣ получилось u: kruwa < *kŕówa, вм. ожидаемаго *krowa (ó = ȣ въ верхнелуж. совсѣмъ иного происхожденія сравнительно съ мужаковскимъ; однако условія задержанія его развитія — тѣ же)». Неясно, о какой сплошности сознанія можетъ быть здѣсь рѣчь; во-первыхъ, мы въ діалектахъ верхнелужицкаго можемъ ожидать krówa (krȣwa), ибо закрытое o (передъ губными и задненёбными) переходитъ діалектически въ ó (ȣ); во-вторыхъ, въ рядѣ верхнелуж. говоровъ ó (ȣ) переходитъ передъ губными въ u (о чемъ см. у Муки, с. 103). Въ § 321 Л. В. Щерба приводитъ верхнелуж. wjerjebina: судя по транскрипціи, форма заимствована у Муки, но послѣдній

1) Изъ примѣчанія на с. 36 Прил. вижу, что сосуществованіе словъ gustë и custë, въ связи съ «почти полной семасіологической [ихъ] идентификаціей» повело къ каламбуру въ одной мужаковской пѣснѣ. Но я рѣшительно не вижу основанія думать, что custë замѣнило castë подъ вліяніемъ gustë.

(на с. 39) даетъ wjerjëbina, слѣдовательно, съ открытымъ e передъ b (что автору надлежало бы транскрибировать weŕεbina). Изъ § 298 можно бы заключить, что нижнелужицкимъ произношеніемъ является dæšć; но проф. Мука (с. 30) знаетъ только dešć, dejšć. На с. 175 непонятно объясненіе мужак. ι въ glιdać вм. gladać; ссылка на польское gledzieć, чешск. hleděti ведетъ къ ględĕti, которое помужаковски дало бы gľa̋eć. На с. 180 авторъ говоритъ, что онъ нигдѣ, ни въ *сл.*, ни въ *вл.*, ни въ *нл.*, не слыхалъ o [т. е. ô] передъ губными и заднеязычными; такимъ образомъ авторъ, не отмѣчая однако этого, становится въ рѣзкое противорѣчіе съ проф. Мукой, который утверждаетъ, что произношеніе o какъ ô передъ губными свойственно всему нл. и вл. языку, а передъ задненебными k, kh верхнелужицкому, гдѣ ô слышится также передъ h, но только когда за нимъ стоятъ o или u (§ 52); въ дальнѣйшемъ авторъ дѣлаетъ предположеніе, что «это совсѣмъ новое явленіе» и «что причину его надо искать во вліяніи нѣмецкаго языка и школы» [1]); авторъ, очевидно, не поставилъ этого явленія въ связь съ отсутствіемъ перехода o въ ȣ передъ губными и задненёбными; впрочемъ, развитіе ȣ онъ также склоненъ поставить въ связь съ нѣм. вліяніемъ (с. 178). Неясно, на чемъ основывается гипотеза автора (§ 302 пр.) о томъ, что «и въ мужак., какъ и въ слепянскомъ, и въ верхнелуж., послѣ отвердѣвшихъ s, z, c праславянскому ŕ соотвѣтствуетъ ær и никогда eŕ, независимо отъ послѣдующаго согласнаго». Гипотезѣ автора противорѣчитъ мужаковское ceŕvæ, ceŕvεnæ; она пріемлема, однако, при условіи оговорки, что такое измѣненіе имѣло мѣсто послѣ отвердѣвшихъ s, z, c, слѣдовательно, послѣ č являлось er или eŕ въ зависимости отъ слѣдующей согласной; въ cæŋk (изъ *čьrmьnъkъ) ожидаемое ŕ исчезло; въ верхнелуж. находимъ: čeŕẃ, čeŕwjeny.

Кстати о гипотезахъ. Авторъ скупъ на нихъ; онъ считаетъ «благоразумнымъ воздержаться отъ гипотезъ о предшествующемъ языковомъ состояніи», на с. 165. Но все же имъ предложены двѣ интересныя гипотезы при разъясненіи мужаковскаго вокализма. Ихъ мы подвергнемъ по-

---

1) Нѣмецкое ô передается, правда, черезъ ô въ blos (с. 180), но черезъ ɔ, напр., въ lɔšεl (Прил., с. 10).

сильному разбору. Первая гипотеза касается соотвѣтствій въ мужаковскомъ праславянскому ѣ. Въ § 291 выставлено авторомъ слѣдующее предположеніе: «Я полагаю, что нормальнымъ соотвѣтствіемъ праслав. ě (ѣ) передъ твердыми переднеязычными будетъ мужаковское a»; въ § 294 читаемъ: «Въ тѣхъ случаяхъ, когда праслав. ě (ѣ) не перешло въ a, оно смѣшалось во всѣхъ положеніяхъ съ праслав. e, ь, поскольку эти послѣднія не перешли въ э или o». Такимъ образомъ нормальнымъ соотвѣтствіемъ ѣ передъ нетвердыми согласными является, по словамъ Л. В. Щербы, ɛ (съ его измѣненіями въ e, ɩ). Позже ɛ вытѣснило въ цѣломъ рядѣ случаевъ a. «Люди, у которыхъ чередовались формы съ ɛ и формы съ a,—говоритъ авторъ на с. 159,—и у которыхъ слѣдовательно вниманіе было привлечено къ этому мѣсту въ словѣ (иначе не могло бы поддерживаться первоначальное распредѣленіе), при столкновеніи съ лицами, употреблявшими лишь формы съ ɛ, легко подвергались воздѣйствію этихъ послѣднихъ, и это обстоятельство могло служить тѣмъ камнемъ, который перетягивалъ колеблющееся употребленіе въ опредѣленную сторону». Итакъ ɛ вытѣснило a частью подъ вліяніемъ другихъ родственныхъ говоровъ, гдѣ господствовало ɛ, но непосредственно вытѣсненіе вызывалось колебаніемъ произношенія съ a при однихъ условіяхъ, съ ɛ при другихъ. Чтобы доказать свою мысль, авторъ отмѣчаетъ, что a сохранилось именно въ тѣхъ словахъ, гдѣ оно было «бронировано» положеніемъ своимъ, не допускавшимъ чередованія съ другой гласной въ родственныхъ словахъ (таковы слова gjaska «святой вечеръ», собственно «звѣздочка», klatka, lask «кустарникъ», pjask, sćask «треска», pŭnźałk «понедѣльникъ», źat «женатый человѣкъ»). Исконныя же *lato, *ḿasto, gv́azda, sćana и т. д. смѣшились произношеніемъ lɩto, mɩsto, gvɩzda, sćina подъ вліяніемъ чередованія съ lećɛ, mɩsćɛ, ćigvɛzʒ́ɛ, sćeńɛ. Соглашаясь съ авторомъ, что наличность въ мужаковскомъ рядомъ pjask и lɩto требуетъ построенія той или иной гипотезы о возможности различнаго измѣненія ѣ при различныхъ исконно условіяхъ, я нахожу однако невѣроятнымъ, чтобы a могло быть такъ послѣдовательно вытѣснено въ совр. мужаковскомъ, если бы оно имѣло дѣйствительно столь широкое распространеніе, какъ думаетъ авторъ. Вѣроятнѣе, мнѣ кажется, допустить, что условія замѣны исконнаго ѣ черезъ a были болѣе огра-

ничены. Оставаясь при данныхъ мужаковскаго говора, нахожу возможнымъ предположить, что фонетически a замѣняло исконное ѣ передъ твердой согласной только въ закрытомъ слогѣ, т. е. когда въ слѣдующемъ слогѣ находился выпавшій впослѣдствіи ъ; между тѣмъ въ слогахъ открытыхъ въ положеніи передъ твердой согласной являлось ɛ, а передъ мягкой e (т. е. ê). Такимъ образомъ — и это въ общелужицкомъ праязыкѣ — являлось ṕask, lɛto, leće; въ большей части лужицкихъ говоровъ (но, повидимому, кромѣ вымершихъ діалектовъ Якубицы, Мегизера) ɛ въ положеніи послѣ мягкой согласной въ начальномъ слогѣ переходило въ ι, между тѣмъ какъ въ названныхъ діалектахъ ɛ перешло въ a [1]); такъ явилось lιto. Что до a въ закрытомъ слогѣ, то въ большей части говоровъ оно было вытѣснено звукомъ ι подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, но оно сохранилось въ мужаковскомъ и лишь въ единичныхъ словахъ въ нижнелужицкомъ: pjask, mjałki (Мука, 63) [2]). Впрочемъ, ниже я еще разъ вернусь къ вопросу о судьбѣ ѣ въ лужицкихъ языкахъ.

Перехожу ко второй гипотезѣ Л. В. Щербы. Въ § 319 читаемъ: «e соотвѣтствующее въ концѣ слова праслав. ę разнаго качества (?) [3]), а также e въ соотвѣтствіяхъ праслав. er, el имѣютъ различную судьбу: нѣкоторыя изъ нихъ перешли въ o въ извѣстныхъ условіяхъ (см. § 313) [4]), нѣкоторыя — нѣтъ. Позволяю себѣ сдѣлать гипотезу, что e перешло въ o въ тѣхъ случаяхъ, когда мы предполагаемъ для прошлаго интонацію I (лит. ˜, слав. нисходящее удареніе), и осталось e въ тѣхъ случаяхъ, когда мы предполагаемъ для прошлаго интонацію II (лит. ΄, слав. восхо-

---

1) У Якубицы: lato, gńazdo, las, śało (тѣло); у Мегизера: gẃazda, ḿara, ḿasto, и т. д. (см. Мука, 63—64).

2) Согласно предыдущему dѣvъka должно было измѣниться въ ʒ́auka; отсюда ʒ́ouka во всѣхъ почти луж. говорахъ (źěwka въ діалектахъ нижнелуж., ʒ́ěwka въ слепянскомъ подъ вліяніемъ ʒ́ěwa); сюда же относятся нижнелуж. cowka при cewka (цѣвка) и вѣроятно также діалект. верхнелуж. khlow (хлѣвъ), о которыхъ Л. В. Щерба на с. 159.

3) Знакъ вопроса у автора.

4) Въ § 313 указано, что «ɔ, o соотвѣтствуютъ праславянскимъ e, ь, въ извѣстныхъ случаяхъ и ę, а вмѣстѣ съ предшествующими ŕ, l иногда и er, el, во-первыхъ, передъ твердыми согласными, а во-вторыхъ можетъ быть и на концѣ слова».

дящее удареніе)». Разумѣется, соединять условія измѣненія ę въ концѣ слова и измѣненія e въ сочетаніяхъ ŕe, le въ срединѣ слова, нецѣлесообразно. Признаемъ такимъ образомъ, что авторъ предложилъ намъ не одну, а двѣ гипотезы. Каждую изъ нихъ разсмотрю отдѣльно.

Итакъ ę въ концѣ слова при I интонаціи давало o, а при II—e. Примѣры для I интонаціи: дѣепричастія lɩźɔ (лежа), seśɔ, stojɔ, visɔ; примѣры для II интонаціи: bȣźemε (божье имя), ʒećε, mε, ćε, sæ (себя), род. ед. vȣtejε kȣzæ, вин. мн. tæ kńɩzæ. Не могу согласиться съ гипотезой автора по слѣдующимъ основаніямъ. Во-первыхъ, свидѣтельство сербско-хорватскаго, словенскаго и другихъ языковъ доказываетъ, что уже въ общеслав. въ конечныхъ гласныхъ стерлось различіе между I и II интонаціей; ср. напр. чакавск. род. ед. porȁ и имен. ед. ženȁ. Во-вторыхъ, окончаніе ε въ род. ед. и им. мн. надо совершенно отдѣлять отъ ε изъ носового e; первое ε восходитъ къ носовому ѣ, какъ это съ очевидностью доказывается русскимъ языкомъ (древнерусск. душѣ, вин. мн. князѣ, малор. душі, князі). Въ-третьихъ, едва ли возможенъ въ лужицкихъ языкахъ фонетическій переходъ замѣстителя конечнаго ę въ o; указанные проф. Мукой (с. 58) случаи, какъ верхнелуж. ćelo, dźěćo, jehnjo, ramjo, представляютъ -o вм. -ę какъ разъ въ такомъ положеніи, гдѣ Л. В. Щерба не ждетъ фонетическаго перехода въ o (II интонація); и дѣйствительно, вѣроятнѣе всего объяснять -o вліяніемъ аналогіи со стороны сущ. ср. рода на -o, подобно какъ и обратно, o замѣняется черезъ ε напр. въ neḃε [1]). Въ-четвертыхъ, окончаніе -o въ дѣепричастіяхъ извѣстно не только въ Мужаковскомъ, но и въ верхнелужицкомъ: wjedźo, znajo, khwalo, pijo, njeso, wjezo и т. д. (Мука, с. 514); это окончаніе, какъ кажется, заимствовано изъ нарѣчій, какъ twardo, často, šyroko и т. п., при чемъ вытѣсненію ожидаемаго -e (въ концѣ слова праславянскому ę въ луж. языкахъ фонетически соотвѣтствуетъ e) содѣйствовало чередованіе -e и -o въ нарѣчіяхъ: ср. въ нижнелуж. chytše и chytšo, šople и šoplo, cysće и cysto, twarźe и twardo,

1) На это намекаетъ и авторъ въ прим. къ § 313, гдѣ онъ не приводитъ окончаній существительныхъ, «такъ какъ тамъ возможны всевозможныя аналогіи».

tunje и tunjo, wěrnje и wěrno и т. д. (примѣры изъ книги проф. Муки, с. 450). Сопоставьте съ этимъ верхнелуж. zaso вм. zase, какъ въ нижнелуж. и мужаковскомъ (изъ исконнаго zasę, западнорусск. зася). А что на форму дѣепричастія могли оказать вліяніе нарѣчія, заключаю изъ стараго нижнелуж. нарѣчія, гдѣ отъ старой формы на -ucy образуются особыя нарѣчія на -no: bijucyno, woľajucyno, pľakucyno (Мука, с. 513).

Гораздо большее значеніе имѣетъ вторая гипотеза автора, по которой er, el съ I интонаціей даютъ въ мужаковскомъ ŕo, lo, а со второй ŕι, lι. Примѣры для I интонаціи: cŕop (черепъ), ŕɔs (вѣрескъ), bŕɔt (вѣредъ); примѣры для II интонаціи: bŕιza (берёза), śmŕιk (пихта, ср. малор. смерéка). Правда находимъ и исключенія, ср. bŕιk (берегъ) вм. ожидаемаго bŕog (какъ въ слеп.), dŕιvɔ (дéрево) и др., но частью они удовлетворительно объяснены Л. В. Щербой (с. 172). Для подтвержденія своей гипотезы, авторъ упустилъ главный аргументъ: то, что онъ отмѣтилъ въ мужаковскомъ говорѣ давно уже указано для верхнелужицкаго нарѣчія; ссылаюсь на ст. Ф. Ѳ. Фортунатова въ Archiv f. slav. Ph. IV, с. 575 и сл. Ср. верхнелуж. brěmjo (беремя), prěki (ср. русск. поперёкъ), bŕěza (берёза), šmrěk и т. п. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это сближеніе, я считаю, что фонетически въ общелуж. должно было получиться bŕoza, что̀ въ вл. въ виду особой интонаціи дало бы bŕóza. Очевидно, еще въ общелуж. какое-то вліяніе аналогіи воспрепятствовало такому переходу; тамъ осталось bŕeza съ долгимъ или полудолгимъ e; отсюда въ вл. brěza; въ мужаковскомъ по общему закону bŕιza; въ нижнелуж. также фонетически bŕaza.

Ограничиваюсь пока сдѣланными замѣчаніями по поводу даннаго Л. В. Щербой историко-сравнительнаго объясненія мужаковской фонетики; мнѣ придется вернуться къ нѣкоторымъ звуковымъ явленіямъ еще разъ ниже. Оставляя въ сторонѣ главу 3-ю «Объ удареніи» и главу 4-ю, гдѣ даны «историко-сравнительныя объясненія нѣкоторыхъ морфологическихъ фактовъ», перехожу къ главѣ 5-й, наиболѣе по замыслу своему интересной для славистовъ: авторъ озаглавилъ ее «О взаимоотношеніи лужицкихъ говоровъ». Она начинается со слѣдующаго неожиданнаго заявленія: «Если спросить себя, въ какомъ же отношеніи находится мужа-

ковскій говоръ къ прочимъ лужицкимъ говорамъ, то придется по моему сказать, что связей между ними очень мало». Это заявленіе поражаетъ читателя своею неожиданностью: мужаковскій говоръ насквозь лужицкій; и фонетика, и морфологія, и синтаксисъ его, и словарный матеріалъ представляютъ такія разительныя черты сходства и тождества съ другими лужицкими говорами, что противоположное сдѣланному авторомъ заявленіе положительно не нуждалось бы въ доказательствахъ. Однако авторъ не голословенъ. «Въ самомъ дѣлѣ—продолжаетъ онъ—нельзя считать за признакъ «лужицкаго единства» смягченіе согласныхъ передъ е, ѣ, переходъ е въ о и т. д. Это развитіе общеславянскаго наслѣдства, которое находимъ и въ польскомъ и въ русскомъ. Нельзя конечно считать за признакъ единства и сохраненіе старины». Соглашаясь съ послѣднимъ положеніемъ автора, думаю такъ же, какъ онъ, что «лужицкое единство» можно доказать только наличностью въ лужицкихъ языкахъ ряда общихъ всѣмъ имъ новшествъ.

Какія же это новшества, спрашиваетъ себя авторъ, «общія всѣмъ лужицкимъ говорамъ и не повторяющіяся въ другихъ ближайшихъ славянскихъ языкахъ?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ такимъ новшествомъ признаетъ только склонность г терять звонкость послѣ согласныхъ смычныхъ (въ праславянскихъ сочетаніяхъ) и можетъ быть склонность особымъ образомъ произносить звуки w, j между гласными. Остальныя новшества оказываются или не общими для всѣхъ лужицкихъ говоровъ (напр. образованія, какъ pjaćo чужды языку Якубицы); или же такія новшества имѣются и въ другихъ ближайшихъ славянскихъ языкахъ: напр. повышеніе перваго слога извѣстно и въ чешскомъ; или, наконецъ, кажущіяся общелужицкія черты восходятъ къ такой эпохѣ, когда по свидѣтельству другихъ звуковыхъ явленій разные лужицкіе говоры пошли уже въ своемъ развитіи разными путями; сюда относится напр. отвердѣніе s, z, c.

Мнѣ кажется, что авторъ неправъ по существу: новшествъ, общихъ всѣмъ лужицкимъ говорамъ, можно насчитать не одинъ десятокъ; но онъ неправъ и методологически. Изъ того, что е переходитъ въ о не только въ лужицкихъ языкахъ, но также въ польскомъ и русскомъ, не слѣдуетъ, чтобы это звуковое явленіе не было общелужицкимъ по проис-

хожденію. Такъ условія перехода е въ о въ лужицкомъ иныя, чѣмъ въ польскомъ и чѣмъ въ русскомъ; польскій языкъ, напр., не знаетъ о вм. е передъ губными и заднеиебными,—въ лужицкомъ мы находимъ ćop, mloko и т. п.; въ русскомъ языкѣ находимъ о въ словахъ лёнъ, пёсъ, нёсъ; въ лужицкомъ они звучатъ lėn, pės, nės. Изъ того, что въ верхнелуж. и мужаковскомъ ę въ начальномъ слогѣ переходитъ въ а (pjać, ŕad), заключаемъ, что это явленіе сближаетъ оба говора — и это несмотря на то, что ę переходитъ въ а также и въ чешскомъ, и въ русскомъ. Не вижу вообще основанія ослаблять доказательную силу тѣхъ новшествъ въ томъ или другомъ языкѣ, которыя повторяются въ другихъ ближайшихъ языкахъ. Русскіе языки восходятъ несомнѣнно къ одному общему праязыку: но ихъ сближаютъ между собою не только такія новшества, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ другихъ слав. языкахъ (напр., полногласіе), но также и такія, которыя имѣются и въ другихъ родственныхъ языкахъ (напр., переходъ ǫ въ u, несмотря на то, что такое же явленіе свойственно лужицкимъ, чешсколовацкому и сербскохорватскому языкамъ, или переходъ tj въ č, несмотря на то, что tj переходитъ въ č также въ словенскомъ и т. д.).

Далѣе общія явленія, восходящія къ предполагаемому единству изслѣдуемыхъ языковъ, устанавливаются историческимъ изслѣдованіемъ этихъ языковъ; а историческое изслѣдованіе ведется прежде всего путемъ тщательнаго сравненія совр. фактовъ и объясненія ихъ происхожденія. Въ совр. лужицкихъ языкахъ общеславянскому ę въ начальномъ слогѣ соотвѣтствуютъ различные звуки: верхнелуж. и мужаковское а, нижнелужицкое ě (ı); но сравнительное изученіе лужицкихъ языковъ и возстановленіе ихъ прошлаго можетъ открыть тотъ общій звукъ, изъ котораго развились и верхнелуж. а и нижнелуж. ı; установленіе такого общаго звука дастъ новую черту при возстановленіи фонетики общелужицкаго праязыка.

Послѣ этихъ замѣчаній намѣчу нѣсколько звуковыхъ явленій, видоизмѣнившихъ общелужицкій праязыкъ сравнительно съ праславянскимъ; наличность такихъ явленій служитъ доказательствомъ существованія такого праязыка, свидѣтельствомъ въ пользу общелужицкаго единства въ прошломъ.

Но сначала я долженъ сдѣлать нижеслѣдующую оговорку. Среди явленій, общихъ всѣмъ лужицкимъ говорамъ, есть нѣсколько такихъ, которыя общи также и другимъ ближайшимъ къ нимъ языкамъ—остальнымъ западнославянскимъ языкамъ, полабскому, польскому и чешско-словацкому; на существованіе такихъ явленій обратилъ вниманіе и Л. В. Щерба, отдѣляющій спеціально лужицкія новшества отъ новшествъ, повторяющихся «въ другихъ ближайшихъ славянскихъ языкахъ». Наличность явленій, общихъ всѣмъ западнославянскимъ языкамъ, не можетъ объясняться случайностью; наличность подобныхъ въ нихъ «новшествъ» служитъ яснымъ доказательствомъ близости этихъ языковъ въ прошломъ, ихъ единства въ прошломъ. Для того чтобы яснѣе выдѣлить спеціально лужицкія явленія, я перечислю явленія общія всѣмъ западнославянскимъ языкамъ:

1) Сохранившіяся въ эпоху распаденія общеслав. языка сочетанія or, ol въ началѣ слова измѣнились въ ro, lo (общезап.-слав. roz-, lokъtь)[1]. 2) Перестановка общеслав. сочетаній tъrt, tьrt, tъlt, tьlt и появленіе, въ результатѣ выпаденія ъ, ь послѣ образовавшихся слоговыхъ плавныхъ, на мѣстѣ этихъ сочетаній tr̥t, tŕ̥t, tl̥t, tĺ̥t[2]. 3). Переходъ общеслав. полумягкихъ согласныхъ въ мягкія[3]. 4) Переходъ общеслав. замѣстителей сочетаній kt, tj и dj въ c и з (откуда во многихъ языкахъ позже явилось z) палатальныя, впослѣдствіи отвердѣвшія. 5) Переходъ общеслав. ś, явившагося въ результатѣ смягченія x, въ š (дат. ед. mušě, имен. ед. vьšь). 6) Переходъ ę̌ (въ грамматическихъ окончаніяхъ) въ ě (съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ ě въ e въ отдѣльныхъ западнослав. языкахъ). 7) Потеря ударенія конечными слогами и фиксація его на неконечныхъ слогахъ.

Перечислю теперь главнѣйшія явленія общелужицкаго праязыка. Вслѣдъ за предлагаемымъ перечнемъ даю рядъ разъяснительныхъ замѣчаній.

---

1) Словацкія ra, la восходятъ къ инославянскимъ элементамъ, проникшимъ въ этотъ языкъ.

2) Дальнѣйшее измѣненіе этихъ сочетаній произошло уже въ отдѣльныхъ западнослав. языкахъ.

3) Отвердѣніе t, d, n въ чешскомъ передъ e и передъ a (изъ ę) принадлежитъ къ позднѣйшимъ явленіямъ, отличающимъ новочешскій языкъ отъ древнечешскаго и отъ чешско-словацкаго праязыка.

1) Общеслав. ă долгое (ему въ русскомъ соотвѣтствуетъ а, въ древнеболгарскомъ ѣ, въ сербскомъ е) перешло въ а: glińany (hlińany)[1], sł'omjany, нл. dŕejany. 2) Сильный ъ въ нач. слогѣ перешелъ въ лабіализованный звукъ средняго ряда ȯ, откуда въ нл. и муж. обычно ė (нелаб. звукъ ср. ряда), а въ вл. о: mech (moch), nep (noṗ, изъ łъbъ), нл. ten, rež. 3) Сильный ь перешелъ въ е (откуда ɛ, т. е. открытое е, и ê, т. е. закрытое е): *ṕɛs (отсюда муж. ṕɩs), *ľɛn (муж. ľɩn). 4) Сильные ъ и ь въ неначальныхъ слогахъ подлежали выпаденію (гласными полнаго образованія они замѣнялись уже въ отд. луж. говорахъ подъ вліяніемъ аналогіи): łokś (łohć), kopś (kopć), zbytk, mŏstk, ptašk, switk, вл. wóst (осотъ), нл. peṕś, kóńc (kónc), hows (wows), kupc, šejc (šewc), palc. 5) Слабые ъ и ь, такъ же какъ полукраткіе у и і подлежали выпаденію: blizki, gnaś (hnaś), głodny (hłódny), śma (ćma), нл. spło (изъ stьbło), krawy (кровавый); нл. zelɛ, ẃaselɛ (ẃɛselɛ), муж. pśaćel (вл. př̌ɛćel), нл. swińa. 6) Сочетанія ое стянулись въ ė: nowe, nowegɔ. 7) Звукъ е въ концѣ слова послѣ исконно мягкихъ согласныхъ перешелъ въ ɔ: pŏlɔ (pɔlɔ), mŏŕɔ (mɔŕɔ), licɔ, łɔžišćɔ, jużɔ (hižɔ), šɔ (всё), jɔ, зв. bóžo, knĕžo (у Веляна для муж.). 8) Звукъ е въ открытомъ слогѣ передъ твердой согласной перешелъ въ о: муж. sɔstra (вл. sɔtra, нл. sɔtša), śɔpły (ćɔpły), муж. ćosać (169), муж. ćɔta (нл. śɔta), нл. ŕobrɔ, mjɔdu, želɔny, ẃesoły (ẃesoły), cɔłɔ (čɔłɔ), žɔna, cɔła (pčɔła). 9) Общеслав. ǫ перешло въ u: dub, muž, žɔnu, dušu. 10) Общеслав. ę въ серединѣ слова перешло въ ä: *glädać, *ṕäty, *ṕäć, *jäzyk, *ŕäd (только діалектически ę передъ тв. согласными измѣнилось въ ǫ, откуда u); въ концѣ слова ę перешло въ е (ɛ): муж. znaḿɛ. 11) Общеслав. ѣ перешло въ е (ɛ, ê, въ зависимости отъ слѣд. согласной): *ńemy, *sled, *bełу, *gẃezda (*hẃezda), *ćestɔ; муж. grɔźɛ, na dubɛ; но въ закрытомъ слогѣ, передъ слогомъ съ выпавшимъ ъ, ѣ перешло, повидимому, въ а: муж. и нл. (діал.) pjask, нл. mjałki, муж. gv́aska. 12) Звукъ е передъ мяг-

---

1) Здѣсь и ниже привожу сначала нижнелуж., а потомъ верхнелуж. форму; пралужицкую привожу со знакомъ *; при совр. общелужицкой звѣздочки не ставлю.

кими согласными перешелъ въ ê: *ʒ́êśäć, муж. ʒ́êći, ʒ́êń, пл. śêlɛ (вл. ćêlɔ), jêlêń, tśêśi (třêći), źêẃêś (dźêẃɛć). 13) Звукъ о передъ губными и задненёбными перешелъ въ ô: nôwy, głôwa (hłôwa), chudôba (khudôba), вл. bôka, вл. Bôhu, муж. nôga. 14) Звукъ ɛ въ нач. слогѣ (слѣдовательно, только передъ слѣд. твердой согласной, а въ односложныхъ словахъ въ концѣ слова) перешелъ въ ɩ: муж. ṕɩs, муж. lɩn, вл. mɩd (медъ), вл. и муж. ćɩmny, муж. lɩnuł; lɩtɔ, śɩstɔ (ćɩstɔ), ḿɩstɔ; муж. ʒ́ɩ (идётъ), skńɩ (сохнетъ). 15) Аналогично этому звукъ ɔ (открытое) въ нач. слогѣ въ положеніи за губными и задненёбными, очевидно, подъ вліяніемъ лабіализирующаго ихъ дѣйствія, перешелъ въ ȣ (ó): ȣ такъ относится къ о, какъ ɩ (ĕ) относится къ е: общелуж. (ср. муж. и пл.) bȣsy, mȣŕɔ, pȣľɔ, gȣra, kȣza и т. д.; утрата ȣ въ откр. слогѣ въ вл. явленіе позднѣйшее, см. ниже. 16) Начальныя гласныя получили придыхательный приступъ, который передъ о является обычно въ видѣ w: wosada, wosym, woŕech. 17) Сочетанія ky, gy перешли въ ḱi, ǵi: kiwaś (kiwać), drugi (druhi); сочетанія kė, gė перешли въ ḱe, ǵe: daloḱɛ, druǵɛ (druh́ɛ), муж. droǵɛ (дорогое); сочетаніе kȯ (изъ kъ) перешло также въ ḱe передъ мягкой согласной: ḱêľ (изъ kъlь, Мука, с. 50); kêŕk (кустъ). 18) Слоговое r (палатальное) перешло въ êŕ передъ губными и задненёбными: муж. ceŕvæ, ceŕvɛnæ, вл. čeŕẃeny, вл. čeŕpać, муж. veŕx, veŕba (вл. ẃeŕch, ẃeŕba) — въ пл. отвердѣніе r позднѣйшее. 19) Слоговое l перешло въ el передъ задненёбными и мягкими согласными: ḿelcaś (ḿelčeć), ṕelniś (ṕelnić), ẃelk; слоговое ł послѣ ž, č перешло въ oł: žołc (žołč), žołty, žołma, cołn (čołm). 20) Въ общеслав. сочетаніяхъ pr, tr, kr r терялъ звонкость и передъ палатальными гласными переходилъ въ š съ дальнѣйшими его измѣненіями: tśeći (třeći), kśiwy (křiwy), pśeśiwo (přećiwo), pśèsć (přasć). 21) Общезападнослав. ʒ (изъ dj) измѣнилось въ z: nuza, saza, cuzy, gowezy (howjazy). 22) Мягкія t, d перешли въ ć, ʒ́: ćixɔ, ʒ́eń. 23) Губныя мягкія передъ гласными задняго ряда развили послѣ себя j: słomjany, mjodu. 24) Начальное w отпало передъ согласной: *ŕɔd (вл. brjód, мужак. bŕɔd съ новымъ b), rɔn (воронъ), rɔta (ворота), łôga (łɔha), łos (łós), муж. cɔra, šykɛn (муж. šɩckɛn, вл. šitkón). 25) Звукъ w выпалъ въ серединѣ слова передъ j и i: rukajca, łojś

(lojić), cľɔjek (čľojek), dŕejany. 26) Звукъ w выпалъ передъ о въ положеніи послѣ k, g, ch: gózdź (hózdź), chóry (khory), chójca (khójca). 27) Сочетаніе aw перешло въ au̯, ow—въ ou̯ въ закрытомъ слогѣ: dau̯no, *dubou̯ (откуда dubô). 28) Сочетаніе sk въ началѣ слова при извѣстныхъ условіяхъ перешло въ šk: škra (искра), škla (блюдо), škórodwej (škorodej), škrabaś (škrabać), škaŕeda (луж. škaŕada), škoƀronk (škowronk). 29) Звукъ n послѣ ľ перешелъ (можетъ быть, сначала въ закрытомъ слогѣ) въ m: žoľma, вл. čoľm (луж. coľm), waľma (woľma, wæľma)[1]).

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ явленій требуютъ ближайшаго разсмотрѣнія.

Относительно 1) изъ нихъ замѣчу, что а въ нл. glinjany не можетъ восходить ни къ ę, ибо на мѣстѣ ę явилось бы е, ни также, конечно, къ ѣ; допустить здѣсь а въ общеслав. препятствуютъ сербскій и словенскій языки. Относительно 3) замѣчу, что въ сущности сильный ь совпалъ по звуку съ исконнымъ е; переходъ ь въ закрытомъ слогѣ въ е, откуда ɩ, надо сопоставить съ переходомъ самаго е въ такомъ же положеніи въ ɩ; но ɩ изъ е легко замѣнялось черезъ о, заимствованное изъ родств. образованій (mɩd, ср. вл. mẽd, замѣнено черезъ mjod подъ вліяніемъ mjoda), а ɩ изъ ь естественно такой замѣнѣ не подвергалось; единично вл. pos, что̀ вѣроятно указываетъ на posa изъ ṕesa вм. psa; б. м., еще šow.

---

1) Отвердѣніе s, z, c, общее всѣмъ лужицкимъ говорамъ, произошло уже послѣ распаденія общелуж. праязыка; это видно изъ различнаго измѣненія какъ предш. гласной ê (см. ниже), такъ и слѣдующаго ɩ: въ однихъ говорахъ оно дало y, а въ другихъ ä (или ė), см. ниже; но і во всѣхъ говорахъ измѣнилось за s, z, c въ y.—Затрудняюсь признать явленіемъ общелуж. праязыка переходъ v въ u̯v между гласными; ср. предположеніе Л. В. Щербы (с. 190), что̀ склонность особымъ образомъ произносить звуки w, j между гласными является общею всѣмъ луж. говорамъ. Авторъ имѣетъ, конечно, въ виду произношеніе ľau̯va вм. ľava (примѣръ у него на с. 28). Но такое произношеніе свойственно по указанію проф. Муки (с. 147) различнымъ нижнелужицкимъ говорамъ и неизвѣстно верхнелужицкому. Объ особомъ произношеніи j между гласными ближайшихъ указаній не нахожу ни у Муки, ни у Л. В. Щербы. (Непонятно, почему Л. В. Щерба не говоритъ объ этомъ въ I части своего труда). Любопытно особое произношеніе j въ началѣ словъ, свойственное нѣкоторымъ нижнелужицкимъ говорамъ, какъ видно изъ пѣсенъ, напечатанныхъ у Смоляря и Гаупта: jjedu (II, 133, 137), jjesć (II, 144) и т. д.

Относительно 4) думаю, что сохраненіе ъ, ь сильныхъ и замѣна ихъ другими гласными въ слогахъ неначальныхъ вызывались аналогіей; ср. вл. jeden и jedyn вм. мужак. jɪdn; bubon; вл. popeŕ, нл. pepeŕ при peps̀, нл. woset, діал. вл. wósot при wóst; нл. pósoł̓ (posoł̓), wósol (wosoł), kózoł̓ (kozoł̓) съ незаконнымъ для нл. о, при чемъ возможно, что oł̓ замѣнило ḷ послѣ согласной, ср. діал. horjał̓; нельзя объяснить фонетически также о въ муж. słužobnë (служащій), вл. słužobny, wučobny, swadźobny, ср. нл. słužabny, licabny, hucabny при hucobny; фонетически находимъ вл. ličbny; -obny, м. б., подъ вліяніемъ словъ на -obny (chudobny) и -owny (ср. вл. słužomny при słužobny, рядомъ duchomny вм. duchowny, Мука, с. 178; вл. wučobnik при wučomnik и wučownik, Мука, с. 277). Въ муж. говорѣ отмѣтимъ еще kusack (кусочекъ), Прил. 35. Относительно 7) замѣчу, что переходъ конечнаго е въ о послѣ искони мягкихъ, а позднѣе смягчившихся согласныхъ произошелъ уже на почвѣ отдѣльныхъ луж. говоровъ: нл. ńaseśo, ср. вл. и муж. ńeseće, 2 мн. пов. нл. ńasćo, вл. и муж. ńesće; 3 л. ед. нл. beŕo, ńaso, вл. и муж. beŕe, ńese; повидимому, общеслав. -ije измѣняется въ -е, а общеслав. -ьjé въ -о: вл. и нл. dawańe (но діал. вл. dawańo) при нл. korjo. По поводу 8) сошлюсь на уже сказанное: е въ закрытомъ слогѣ передъ выпавшимъ ъ не измѣнялось въ о; это зависѣло отъ того, что, повидимому, еще въ общеслав. е въ такомъ положеніи имѣло особый оттѣнокъ вслѣдствіе развившейся при этомъ полудолготы; но понятно, что о изъ родств. формъ легко замѣняло такое е; такъ medъ измѣнилось фонетически въ mɪd (вл.), но рядомъ являлись подъ вл. косв. падежей вл. mjód, нл. mjɔd; ср. еще сохраненіе е, откуда въ нач. слогѣ ɪ, въ муж. ńɪsł̓, gŕɪbł̓ɔ, mɪtlɔ (Щерба, 169), mɪł̓ (ib. 171), вл. Pětr.

Относительно 10) напомню, что діалект. переходъ ę въ ǫ передъ тв. согласной имѣлъ мѣсто въ діалектѣ Якубицы и въ одномъ случаѣ въ мужаковскомъ (custy); въ мужаковскомъ ä послѣдовательно перешло въ а, какъ въ удар., такъ и въ неудар. слогахъ, передъ твердой и мягкой согласной: pjać, pjaty, źejać, ćańe, ćaškɔ, škaŕada, źɪsać, svjaćić, svjaty, и т. п.; въ вл. ä перешло въ а только передъ твердой согласной: jazyk, pjaty, hŕada, ŕad, hladać, swjaty, ćahać, wjaz;

wjazać, ŕećaz, dźewjaty, dźesaty; передъ мягкими ä сохраняется безъ измѣненія, б. м., измѣняясь въ е открытое (въ противоположность обычному е, законному замѣстителю е, ѣ, ь, это новое ė не переходитъ въ ê, отличаясь также отъ е изъ а между мягкими согласными, ср. Мука § 16, пр. 3): ṕεć, na ṕεćε, na ŕεźε, ẃeŕεbina, ẃewεć, načεć; въ нл. ä перешло въ е открытое: поэтому въ начальномъ слогѣ, въ силу дѣйствія явленія 14-го, здѣсь явилось ι: jιzyk, glιdaś, ṕιty, ṕιś, ṕιsć, ḿιso, ŕιdny, śιža, swιty, ẃιzaś, pśιg (иго), ṕιź; только въ неначальныхъ слогахъ е открытое изъ ä переходило въ ê передъ слѣд. мягкой согласной: źewjeś, naceś, poŕeźić, jεŕebina, gowέźina, źaseś и т. д.; въ случаяхъ какъ śeś (отрубить), źeś (взять), žeś (жать) можно видѣть вліяніе сложныхъ съ префиксами; примѣры для ε изъ ę въ концѣ слова: мужак. ćelε, bremε, mε, ćε и т. д.; о случаяхъ, подобныхъ вл. ćelo или мужак. seзɔ, сказано было выше.

Къ 11) напомню объ изложенныхъ выше соображеніяхъ въ пользу измѣненія ѣ въ а въ закрытомъ слогѣ передъ выпавшимъ ъ; е изъ ѣ передъ мягкой согласной перешло въ е закрытое, напр. вл. ṕeńεz, нл. ḿeniś, вл. ḿedź, ẃeзeć, нл. зeśε; ι въ такомъ положеніи обязано вліянію аналогіи: вл. měnić, třělić, dźěćo, нл. měź; slěpiś, wěźeś; передъ твердой согласной е, согласно явленію 14-му, перешло въ ι, ср. еще примѣры: rěka, rěc (rěč), měra, směch, śěło (ćěło), wěkś (wěchć), lěkaŕ, běg (běh), gnězdo (hnězdo), pěsń и т. д.

Относительно 13) можно думать, что непосредственною причиной перехода о въ ô передъ губными и задненёбными былъ лабіализованный характеръ тѣхъ и другихъ; въ мужак. ô сохраняется до сихъ поръ передъ тѣми и другими; въ вл. ô—передъ губными, а также передъ k, ch (kh), а передъ h только тогда, когда за h слѣдуютъ о или u (Boha, Bôhu, z Bôhom, ср. Мука, с. 98); въ нл. ô сохранилось только передъ губными, но что нѣкогда и здѣсь передъ задненёбными было ô, видно изъ случаевъ какъ wɔkɔ, pɔganjaś, mɔkšy, которые очевидно изъ wôkɔ, pôganjaś, môkry; иначе мы имѣли бы w8ko, m8kšy (ср. у Муки, с. 99); ô сохранилось въ Bôg.

По поводу 14) замѣчу, что явленіе перехода е въ ι въ нач. слогѣ вызвано прежде всего вліяніемъ мягкой согласной на слѣдующее открытое е (закрытое, узкое е такому переходу не подвергалось); явленіе это

охватывало три ряда случаевъ: во-первыхъ, е, восходящее къ исконному ѣ; во-вторыхъ, е, восходящее къ е и ь въ закрытомъ слогѣ (напр. ćmny муж. и вл.); въ-третьихъ, исконное е, въ открытомъ слогѣ замѣнившее подъ вліяніемъ той или иной аналогіи ожидаемое о (напр. zmɩtana муж. и вл.); это явленіе, какъ мы видѣли, продолжало свое дѣйствіе въ нл., когда ä (изъ ę) перешло въ откр. е; какъ увидимъ, оно продолжаетъ свое дѣйствіе въ мужак. до сихъ поръ.

Къ 19) необходимо прибавить, что въ вл. и мужак., въ противоположность нл., r въ сочетаніяхъ pr, kr, tr передъ гласными непалатальными утратило свой глухой характеръ и перешло въ звонкое r; но въ нл. глухое r и въ этомъ положеніи перешло въ š; въ конечной группѣ tr, kr, pr Л. В. Щерба отмѣчаетъ въ мужаковскомъ глухое r (т. 50).

Для болѣе яснаго развитія выставленныхъ выше положеній, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ діалектическихъ явленіяхъ верхнелужицкаго и нижнелужицкаго языковъ.

Въ верхнелужицкомъ замѣчательно исчезновеніе въ рядѣ случаевъ звуковъ ȣ (ó) и ɩ (ě). Исторія этихъ звуковъ убѣждаетъ, что въ общелуж. праязыкѣ ȣ и ɩ были извѣстны въ долгомъ и краткомъ видѣ; долгими они были, во-первыхъ, въ закрытомъ слогѣ (передъ выпавшимъ ъ или ь); во-вторыхъ, ɩ было долго тамъ, гдѣ оно замѣнило общеслав. ѣ. И вотъ по общему закону вл. языка долгія ȣ и ɩ сохранились, а краткія перешли въ о и е. Такъ сократилась область употребленія ȣ сравнительно съ нл. и мужак.: hórka, hórny, но hora (нл. и муж. gȣra), smólny, но smoła (нл. и муж. smȣła); такъ же сократилась и область распространенія ɩ (ě): sḿetana (муж. zmɩtana), hŕebło (муж. grɩbło. а въ нл. съ фонет. о вм. е: gŕobło), но въ закрытомъ слогѣ: ćěmny, Pětr; ɩ изъ ѣ, какъ долгое, сохранилось: město, měra и т. д.

Рядомъ съ этими ȣ и ɩ видимъ въ вл. еще и другія, иного происхожденія; а именно ō и ē перешли въ вл. въ ȣ и ɩ; въ общелуж. ō и ē были извѣстны въ двухъ положеніяхъ; во-первыхъ, въ закрытыхъ слогахъ передъ слогомъ съ выпавшими ъ или ь (о и е были полудолгими въ такомъ положеніи уже въ общеслав. праязыкѣ), во-вторыхъ, въ сочетаніяхъ ro, ło, ŕe, le изъ общесл. сочетаній or, ol, eŕ, eĺ подъ восходящимъ (восх. экспир. и восх. музык.) удареніемъ. Вотъ эти общелуж. ō, ē въ

верхнелуж. перешли въ ȣ, ı. Такъ явились, напр., съ одной стороны, hród, płód, płódny, mjód, łój, hnój, hłód, а съ другой: błóto, młóćić, mrózy, wróćić, dróha, brózda, р. ед. hródźi (отъ hródź), bróna, tłóčić, kłóčić; равнымъ образомъ, съ одной стороны, ječ̌ (отсюда и ježa, ježowy), pěc, также šesć, čěrc, čěski, а съ другой: šmrěk, brěmjo, prěki, brěza, žrědło (жерело́), žrěbjo (жеребя́), также pluvy (поло́вы), črósło, и др.

Далѣе отмѣтимъ измѣненіе а между мягкими согласными въ е (ê): jejo, jehńo, zjewić, běžeć, słušeć. Звукъ ä (изъ ę) перешелъ въ а передъ твердыми согласными, сохранившись какъ ä передъ мягкими: pjaty, ṕäć. Звукъ ê передъ отвердѣвшими согласными измѣнился въ ɛ: ḿɛza (mjeza), ẃɛsoły (wjesoły), plɛco (pleco). Звукъ ı послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ перешелъ въ y: šyry, cyły, syno.

Въ нижнелужицкомъ отмѣтимъ переходъ ä (изъ ę) въ ɛ съ дальнѣйшими его измѣненіями: въ началѣ слова, подъ вліяніемъ предш. мягкой согласной, ɛ перешло въ ı: pěś (пять), pěty (пятый); въ серединѣ слова ɛ сохранялось передъ твердой согласной, но перешло въ ê передъ мягкой: źevɛty, źeveś. Далѣе видимъ сокращеніе долгихъ о и е (въ закр. слогахъ и въ сочетаніяхъ ro, ło, ŕe, ľe подъ восх. удареніемъ). Затѣмъ приходится допустить еще слѣдующее важное по послѣдствіямъ явленіе въ нижнелужицкомъ: мы видѣли, что ı въ общелуж. было долгимъ, когда замѣщало ѣ и ę, краткимъ, когда замѣщало е; въ верхнелуж. краткое ı перешло въ е; въ нижнел. оно измѣнилось въ ä, откуда а: pjas, lan, šaw, śamny, pjakľ, pjakło, wjasło, ńamoc, ńamam, ńabogi, slabro, wjadro, jadn, lagnuś sæ, ŕaknuś; во всѣхъ этихъ словахъ въ общелуж. было ı, которое изъ е, а е частью вмѣсто ожидаемаго о (напр. въ ṕıkło, sŕıbło подъ вліяніемъ той или иной аналогіи), частью въ префиксѣ ne, частью же въ закрытомъ слогѣ (lan, jadn); равнымъ образомъ ŕe, ľe съ долгимъ е (вслѣдствіе восх. ударенія на нихъ въ общеслав.) перешли въ ŕä, ľä, откуда ŕa, ľa: bŕaza, lac (волочь). Звукъ ê, очутившись передъ отвердѣвшей согласной, перешелъ въ нл. въ ä, откуда далѣе а: jazor, pjac (печь), wjasoły, źaseś, wjacor, placo, ńasoš, rjac (рещи), lažaś, lasny, mjadẃeź, lasć, wjas (вьсь), śćažka; равнымъ образомъ въ неуд. слогахъ: ńebjaski, rubažnik (разбойникъ), lemjas (лемешь). Звукъ ı

долгій (изъ ѣ, ę) послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ перешелъ вообще въ е (діалектически также въ у): seno, ceły, šerý, sec, sem (сѣмо), cesto; передъ мягкой согласной является ê: zêś, sêḿε, sêś (сѣть).

Итакъ вотъ рядъ общелужицкихъ явленій, часть которыхъ получила въ отдѣльныхъ распавшихся нарѣчіяхъ различное развитіе; этотъ рядъ можно противоположить утвержденію Л. В. Щербы, что «эпоха общелужицкаго единства» является въ значительной степени предметомъ вѣры, но не знанія.

Отказавшись какъ будто отъ опредѣленія отношенія мужаковскаго говора къ верхнелужицкому и нижнелужицкому, ибо они всѣ три возводятся по мнѣнію автора непосредственно къ праславянскому, Л. В. Щерба, непосредственно за только что приведеннымъ его утвержденіемъ, ставитъ въ § 362 такой вопросъ: «Каково же отношеніе собственно мужаковскаго говора къ прочимъ, а въ частности къ своему сосѣду — слепянскому говору равно какъ и къ говору Якубицы?» Отвѣтъ на всѣ эти вопросы умѣстился на полутора страницахъ. «Мужаковскій и слепянскій говоры глубоко различны», и это несмотря на ихъ близкое, почти переплетающееся сосѣдство. Объясняетъ себѣ авторъ такія отношенія тѣмъ, что нѣкогда мужаковскій говоръ распространялся и далѣе на востокъ за Нысу; Ныса была пограничной рѣкой между Слепянцами и Мужаковцами; на западъ жили Слепянцы, на востокъ Мужаковцы, но позже Мужаковцы пришли изъ за Нысы и заняли часть территоріи Слепянцевъ. «Впрочемъ, правильно это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ — заключаетъ авторъ — мужаковскій говоръ является несомнѣнно самымъ восточнымъ изъ существующихъ. А такъ какъ нельзя относить мужаковскій ни къ *вл.*, ни къ *нл.*, ни къ *сл.*, то и позволяю себѣ окрестить то, что все время называлъ мужаковскимъ говоромъ, «восточнолужицкимъ нарѣчіемъ». Итакъ авторъ на вопросъ, поставленный въ началѣ §, отвѣтилъ указаніемъ на географическое отношеніе мужаковскаго говора къ прочимъ лужицкимъ говорамъ. Вопросъ объ отношеніи мужаковскаго говора къ языку Якубицы рѣшается въ слѣдующемъ § указаніемъ на нѣсколько особенностей, отличающихъ языкъ Якубицы отъ мужаковскаго; общія звуковыя явленія между ними оставлены въ сторонѣ между прочимъ, какъ мы видѣли, — наличность въ мужаковскомъ u на мѣстѣ ę въ томъ же положеніи, что у Якубицы.

Можно было бы ожидать отъ Л. В. Щербы совершенно иной разработки отвѣта на вопросъ объ отношеніи къ прочимъ лужицкимъ говорамъ мужаковскаго. А именно желательно бы знать, какія изъ явленій, отличающихъ его фонетику отъ общелужицкаго праязыка, общи мужаковскому или восточнолужицкому съ верхнелужицкимъ, какія напротивъ съ нижнелужицкимъ, какія, наконецъ, со слепянскимъ; кромѣ того надлежало бы перечислить тѣ измѣненія въ унаслѣдованномъ отъ праязыка достояніи, которыя отличаютъ мужаковское нарѣчіе какъ отъ верхнелужицкаго, такъ и отъ слепянскаго и нижнелужицкаго. Позволю себѣ сдѣлать нѣсколько указаній въ этомъ направленіи.

Общими съ верхнелужицкимъ явленіями въ мужаковскомъ оказываются: 1) переходъ общелужицкаго ä (изъ ę) въ a передъ твердыми согласными (pjaty, ŕad)[1]); 2) переходъ a въ дифтонгѣ ai̯ въ ê, между тѣмъ какъ въ нл. a въ такомъ положеніи переходитъ въ ɛ (ср. у Муки, с. 43); изъ êi̯ явилось дальше ê; напр. мужак. nesetê, вл. njesetêj, нл. njasotɛj; 3) переходъ глухого r въ r звонкое въ сочетаніяхъ pr, tr, kr передъ непалатальными гласными: trava, ср. въ нл. tšava; 4) отвердѣніе n передъ c, s въ случаяхъ, какъ ženska (вл. žonska), ср. нл. žeńska, kŏnc (вл. kónc), ср. нл. kóńc.

Общими съ нижнелужицкимъ явленіями оказываются: 1) слоговое ḷ послѣ t, d, s обыкновенно переходитъ въ łu: dłuk (долгъ), słup, kłustæ (толсто), kłucy (дробитъ); исключеніе составляетъ dæłgi (долгій); 2) слоговое ṛ (изъ ъr) переходитъ въ ar послѣ заднепёбныхъ: такъ предположительно chart (нл. chart); но k и g въ нл. передъ ar мягки, тогда какъ въ муж. тверды: karcma, skaržyć, karmi sæ (нл. kjarcma, kjarmiś, skjaržyś)[2]); 3) ṛ послѣ č переходитъ передъ твердой согласной въ ar: муж. cart, carny (тоже въ нл.); 4) ŏ изъ ъ обычно переходитъ въ e (между тѣмъ какъ въ вл. въ o): bez, weš; исклю-

1) Возможно, что въ вл. этотъ переходъ произошелъ послѣ отвердѣнія s, z, а въ мужаковскомъ до такого отвердѣнія: на это указывало бы мужаковское segnuć при верхнелужицкомъ sahnyć (Велянъ); но у Л. В. Щербы dosanuli (Прил., 8); однако vŏzebɛ (озябнетъ) Прил. 20, но nusac.

2) Возможно, что первоначально на мѣстѣ ṛ являлось ær и что уже позже æ въ изв. случаяхъ послѣ смягчившихся k, g переходило въ ar, причемъ ḱ, ǵ передъ a отвердѣвали: skaržyć при нл. skjaržyś; ср. муж. gædlɔ (горло), gærnëk (горнокъ), gærsć (горсть).

ченіе составляютъ popŕajnc и приведенное Веляномъ packa; 5) переходъ č въ c: vɩcɔr (нл. wjacor); 6) переходъ ɩ послѣ отвердѣвшихъ s, c, z въ æ (въ нл. ɛ или æ?): sæno, cæły, sækł, cæu̯ka, susæt, sæu̯, rucæ.

Общими съ верхнелуж. и нижнелуж. явленіями въ мужаковскомъ оказываются: 1) отвердѣніе s, c, z; 2) переходъ i послѣ отвердѣвшихъ s, c, z въ y: zyma, cysty; 3) переходъ сочетанія vy- въ vu-: vusokɔ, vupił, vutrać (выдержать).

Оставляя въ сторонѣ явленія, общія мужаковскому говору со слепянскимъ, такъ какъ болѣе или менѣе полнаго представленія о послѣднемъ я себѣ не составилъ, укажу на спеціально мужаковскія явленія, отличающія его отъ вл. и нл., но частью сближающія со слепянскимъ: 1) ä (изъ ę) перешло въ a не только передъ твердыми, но и передъ мягкими согласными: ṕać; 2) законъ объ измѣненіи ɛ послѣ мягкой согласной въ началѣ слова въ ɩ продолжалъ свое дѣйствіе (между тѣмъ какъ въ вл. и нл. дѣйствіе его прекратилось); вслѣдствіе этого ê, измѣнившись передъ отвердѣвшей согласной въ ɛ, въ концѣ концовъ перешло въ ɩ: vɩsɔłæ, ńɩsæ, vɩzæ, vɩcɔr, ʒ́ɩsać, vɩceŕa, vɩseli sæ, ćɩŋkɛ, nɩsć, rɩc, pɩc (пешть и пешти), vɩsć; 3) š и ž потеряли палатальность, но сохранили старое мѣсто образованія; передъ š и ž поэтому на мѣстѣ ê является (согласно 2-му явленію) ɩ: ŕɩžɛ, lɩžał; 4) послѣ отвердѣвшихъ š и ž звукъ i измѣняется въ ɩ: šɩdłɔ, а ɩ измѣняется въ ɛ: šɛu̯, šɛł, šɛsć (изъ šɩsć, а это изъ šêść), šɛry; 4) ɔ перешло въ ô передъ мягкими согласными: sôl, sôli (солить), sôlɛny, łôni; błoćanæ, dogońi (68), vævoʒ́ɛ (69), na loʒ́ɛ (69), toć (70); ɔ перешло въ o также передъ ł (впрочемъ, въ нѣк. другихъ луж. говорахъ, гдѣ вм. ł произносится u̯, извѣстно тоже явленіе); 5) pš, tš, kš, еще до отвердѣнія š, перешли въ pć, tć, kć, откуда ć, а вмѣсто ć также sć и šć: ći, ćeći, ćebijany, sćiž и šćiž; 6) слоговое r̥ (изъ ър) послѣ губныхъ перешло въ ær: mærxve, mæršći sæ; слоговое r̥ (изъ ьр) передъ твердыми согласными перешло въ ær: bærdɔ, zærno, tværdy, særna, mærznuć; слоговое r̥ (изъ ьр) передъ š, ž, ć, ʒ́, c (изъ č) перешло въ eŕ, но ŕ потеряло палатальность, вслѣдствіе чего предшествующее e измѣнялось въ ɛ и далѣе въ ɩ: ʒ́ɩržać, pɩrśćen, smɩrʒ́i, smɩrć, vɩrći (послѣ š, ž это ɩ переходитъ, согласно 4-му явленію, въ ɛ: šɛršen, žɛrć); 7) слоговое l̥ передъ зубными твердыми

послѣ губныхъ переходитъ въ æł: pæłny, vælma: 8) ŕ передъ согласными отвердѣло, но сохранилось мягкимъ передъ губными и передъ x: meŕva, veŕx; 9) i̯ послѣ i и e исчезаетъ: ki, pi (пей), ce (чей), kre, gȣrecny; 10) u̯ послѣ ô исчезаетъ: rô, dubô; 11) сочетанія xy, xæ въ окончаніяхъ словъ переходятъ въ x́i, x́ɛ: род. muxi, им. ед. ср. suxɛ, им. ед. м. suxi, р. suxɛg, тв. suxim, им. мн. suxɛ (но подъ удареніемъ xy удерживается: род. ед. pxy); сочетаніе xɩ въ односложномъ словѣ переходитъ въ xi: дат. pxi (ср. дат. spɩ); 12) сочетанія žr и zr переходятъ въ žgr и zgr: zgŕały (зрѣлый), žgŕɔdłɔ (родникъ), žgrebɛ (жеребенокъ); тоже явленіе имѣется въ слепянскомъ (с. 272), у Якубицы (Мука, 276) и въ кашубскомъ; 13) n и m переходятъ въ ŋ передъ g, k: zaŋk (замокъ), zæŋkɔ (зернышко), zaŋkńɛta (замкнута), vɩŋk (вѣнокъ), hobłɔŋk (горбушка пирога, «обломокъ»); 14) отвердѣніе конечнаго n: jelen, śen (Прил., 29), также kȣjn, stajn (стань).

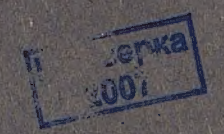
Изъ разсмотрѣнія отношеній мужаковскаго говора къ вл. и нл. видно, что дѣйствительно, какъ это утверждаетъ и Л. В. Щерба, его нельзя отнести ни къ нижнелужицкой, ни къ верхнелужицкой группѣ; самостоятельное развитіе многихъ явленій въ этомъ говорѣ не позволяетъ разсматривать его и какъ говоръ переходный отъ вл. къ нл. или какъ говоръ смѣшанный. Мужаковскій говоръ—надо согласиться съ Л. В. Щербой—представляется самостоятельнымъ развѣтвленіемъ того общаго ствола, отъ котораго пошли и другіе лужицкіе языки, но стволомъ этимъ надо признать не праславянскій языкъ, а восходящій къ праславянскому общелужицкій праязыкъ.

На этомъ заканчиваю свой разборъ въ общемъ прекрасно исполненнаго труда, обогатившаго славяновѣдѣніе цѣннѣйшимъ языковымъ матеріаломъ. Мои возраженія вызваны тѣмъ интересомъ, который Л. В. Щерба умѣетъ возбудить въ своихъ читателяхъ новою постановкой вопросовъ, тщательнымъ описаніемъ фактовъ и своеобразнымъ ихъ освѣщеніемъ. Въ этомъ несомнѣнная заслуга и разсматриваемаго труда. Пожелаемъ, чтобы авторъ не оставлялъ своихъ занятій лужицкими языками и поспѣшилъ бы съ изданіемъ словаря мужаковскаго говора.

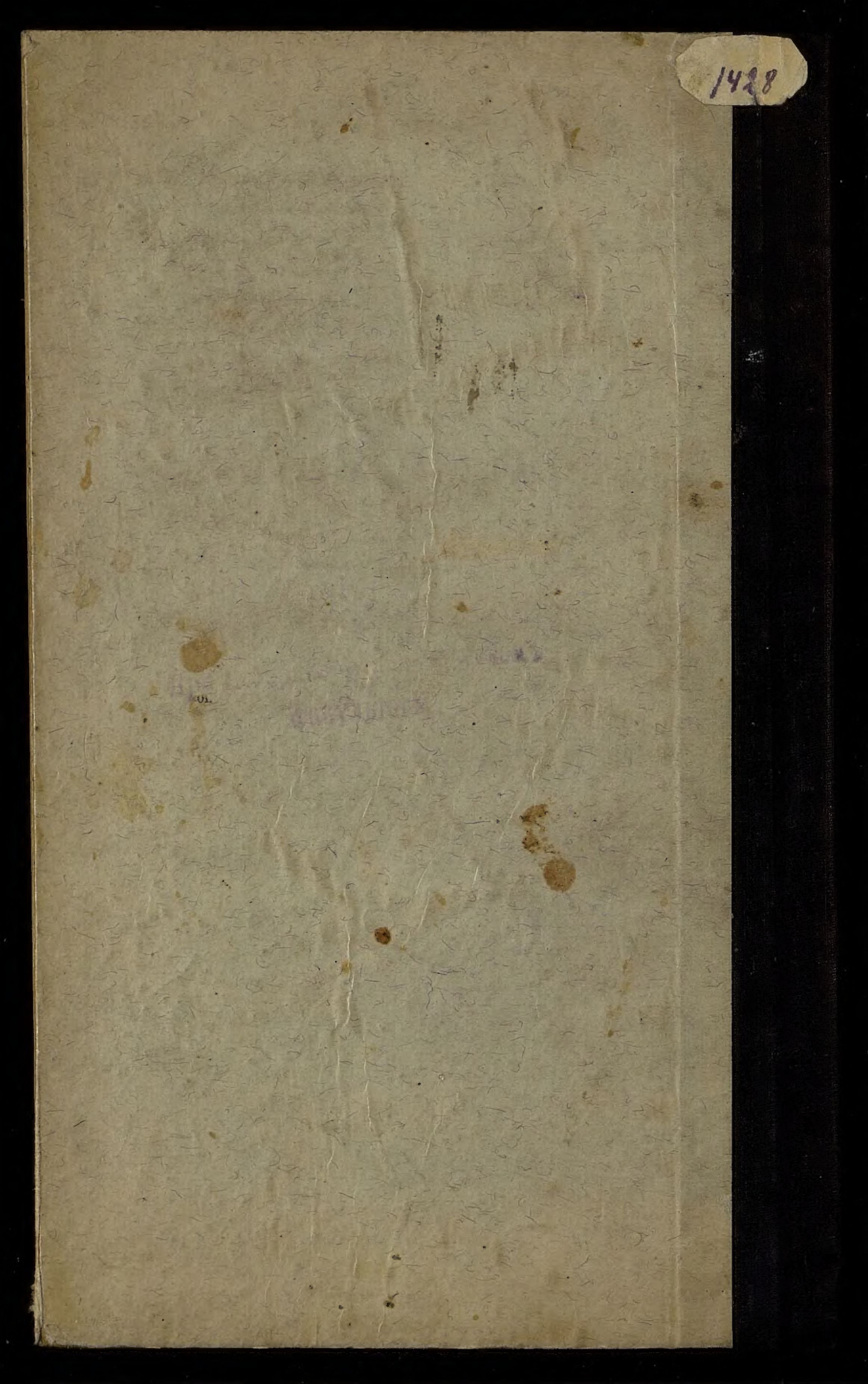
А. Шахматовъ.

14 дек. 1915.

1428